

Екатерина Солъх
ЗАКЛЮЧАТЕЛЬ

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Екатерина Солъх © 2019

Skleněný můstek s.r.o. © 2019

ISBN 978-80-7534-217-1

Содержание

Часть 1. Книга

Глава 1. Французы не умеют готовить

Глава 2. Человек с глазами зверя

Глава 3. Не видя крови

Глава 4. Сладкая жертва

Глава 5. Тайны и секреты

Глава 6. Добровольно и с радостью

Глава 7. Демон с фиалковыми глазами

Часть 2. Ведьма

Глава 8. Грязная и пахнущая гарью девчонка

Глава 9. Чаша Крови

Глава 10. Охота на охотников

Часть 3. Артефакт

Глава 11. Путь через полмира

Глава 12. Холодные глаза убийцы

Глава 13. Проклятый Святой город

Глава 14. Некромант

Глава 15. Пыль и дохлые пауки

Глава 16. Запах фиалок

Глава 17. Копье Судьбы

Эпилог. Перекрестки и развилки

Часть 1. Книга

Глава 1. Французы не умеют готовить

Поезд мерно покачивался, за окном тянулись возделанные поля, солнце светило так ярко, что даже смотреть было больно. В отдельном купе первого класса было душно и жарко, окна не открывались, – по крайней мере, мне открыть не удалось. Дернув пару раз непослушную задвижку, я со вздохом вернулся на свое место. Подумать только, ведь всего несколько месяцев назад такая поездка была пределом моих мечтаний! Всю свою жизнь я безвылазно провел в мрачном родовом поместье, не надеясь увидеть что-то кроме его пропитанных кровью стен и расположенной рядом захудалой деревушки. Но потом духи сообщили мне, что в свои земли вернулся герцог, мой милорд. Мой род навеки связан клятвой с его родом. Значит, и я – его вернейший и преданнейший слуга до конца моих жалких дней. Сильно же он удивился моему явлению! Оказывается, он и понятия не имел обо мне. И первым же делом он решил проверить мои способности – отправил в эту самую поездку. Не слишком разумно с его стороны, но куда деваться? Приказ. Так что я, как послушная собачонка, сел на поезд и отправился в путь.

Пейзажи за окном сначала безумно радовали – такого обилия ярких красок мне не доводилось видеть за всю жизнь – но вскоре начали приедаться. Нельзя же вечно удивляться тому, что трава может быть такой зеленой? Я лениво посмотрел на часы и вздохнул. Было бы неплохо добраться до академии хотя бы к вечеру. Собственно, мне следовало быть там к обеду, но поезд задержали на предыдущей станции: опять перегоняли военный эшелон.

Вокруг шла война – странная, непредсказуемая и почему-то не слишком провальная. Я много читал о войнах, но эта не походила ни на одну из тех, в которых участвовали мои предки. Началась она с того, что на юге Франции, в Китае, на Южном Полюсе и, кажется, где-то в Латинской Америке открылись порталы в иной мир. Хотя последние два удалось быстро закрыть. И оттуда полезли враги – такие же люди, только с гораздо более высоким уровнем технического развития. Приветливые такие, решили нас цивилизовать и дать нам все блага. Начали, правда, с разрушения церквей.

Строго говоря, нам, жителям этого мира, еще повезло. Несколько лет назад в результате покушения погибла британская королева Виктория и вся ее семья. Ни одного прямого наследника. И трон захватил какой-то дальний родич королевской династии. Боевой генерал, служивший до этого в Индии. В общем, теперь к Британской Империи относилась также территория Франции, Италии, Испании... почти вся Европа до самой границы Германской Империи. Ну и, конечно, Индия, а кроме того – Австралия, весь север Африки... Османская Империя тоже стала частью Британии.

Однако и немцы не сидели сложа руки. У них случился государственный переворот, и к власти пришел один генерал в компании странных людей, каким-то образом воскресивших древнее умение Алхимии. В результате они легко прибрали к рукам Австро-Венгрию и другие близлежащие страны.

Германская и Британская Империи вели вялую войну до самого открытия порталов, а теперь объединились и сражались уже вместе. Но нам еще повезло. Неведомо как имперское командование узнало о грядущем вторжении заранее, а любовница императора Британии по странному стечению обстоятельств оказалась гениальным механиком и создателем новых видов оружия. Говорят, эпоха рождает героев. Вот наша и нарожала.

Герцогство милорда и, соответственно, мое поместье, находятся в Бретани, на стыке Германской Империи и французских областей Британской. Формально оно всегда принадлежало английским герцогам, хотя долгое время они забывали о его существовании. Война до нашего герцогства пока не докатилась, но милорд активно помогал армии. Его безумно раздражало то, что пришельцы устраивали в соборах казармы и склады. И дело тут вовсе не в религиозности: просто милорд любит готическую архитектуру.

Все сколько-нибудь разумные люди ушли добровольцами на фронт. Все железнодорожные пути были переданы в распоряжение армии, гражданские поезда уже забыли о расписании – им вечно приходилось дожидаться, пока пройдут огромные бронированные составы. Видимо, у милорда не осталось никого с головой на плечах, да и сам он был ужасно занят всеми этими военными делами, иначе не послал бы меня на это задание. Решил проверить, на что я годен.

Что ж, как бы мне ни было страшно, я выполню его приказ. Во-первых, у меня нет выбора. Его родовая кровь – моя единственная защита. Во-вторых, весь этот опасный мир не может быть хуже родового поместья. О людях я до этого мог судить лишь по записям в семейных архивах и со слов дяди, чтобы ему раскаленными щип-

цами глаза вытащили. И по всему этому получалось, что меня сейчас окружает тупое, кровожадное стадо, жаждущее отправить меня на костер. Слишком уж кровожадными они, на мой взгляд, не были. Как и сколько-нибудь интересными. В целом, люди разочаровали меня даже больше, чем зеленая трава.

Поезд качнуло так сильно, что я едва не упал, успев в последний момент ухватиться за подоконник. И кто это сказал, что мне нравится путешествовать? Неужели я сам? Молодой был, глупый. Когда вокруг незнакомый, но, несомненно, враждебный мир, только и остается, что зубоскалить.

Я не ребенок, хоть мне всего пятнадцать. И не перепуганный подросток, не знающий жизни, хотя львиную долю новостей о событиях в окружающем мире я узнал только сейчас, впервые покинув поместье. Я – глава древнего магического рода, последний его представитель. Последний хранитель древних знаний. И клятвобязанный милорда, чьи предки спрятали когда-то моих предков от Инквизиции и тем самым сохранили им жизнь. Я не могу позволить себе быть ребенком. И не могу позволить себе полагаться на кого-то, кроме себя.

От грустных мыслей всегда хочется есть. А эти мысли были не очень-то веселыми. Но любопытства мне не занимать, и сейчас я решил направить его на изучение людей. А это лучше всего делать в их естественной среде обитания. То есть – в вагоне-ресторане. Как же не хочется! Готовят здесь отвратительно, хоть я и читал, что французы – мастера в этом деле. Ложь, полная и абсолютная!

Я открыл чемодан и с тоской посмотрел на сложенные тремя стопками тонкие обтягивающие свитера. Черный, белый и в середине – серый. Два крайних соответствуют двум школам моего магического направления. И мне давно уже пора выбрать один из них, но я все никак не могу решиться. Сейчас я владею основными знаниями обеих школ. По традиции моей семьи ребенка с рождения обучают обоим направлениям, чтобы потом он мог избрать то, что ему больше подходит. У меня такого нет, свои плюсы и минусы есть у каждой школы. Выбрав одно направление, я неизбежно утрачу все преимущества второго. Конечно, я мог бы оправдать себя тем, что знания обеих школ мне могут еще понадобиться на службе у милорда, но, по правде говоря, мне просто страшно углубляться во всю эту жуть. А придется, когда решусь выбрать. А пока что мой вариант – средний, для еще не определившегося.

Со вздохом я достал и накинул на плечи темно-серый плащ, закрыл чемодан и отдал обычный приказ своему духу-стражнику.

Если какой-нибудь идиот рискнет сунуться в мои вещи, его ждет очень неприятный сюрприз. Я милосерден, а потому ему всего-то отрежет пальцы.

Теперь можно было выйти из купе.

Уже настало обеденное время, и в коридоре было не протолкнуться. Какой-то толстый потный мужчина едва не сбил меня с ног. Потом мимо протиснулась суетливая женщина с целым выводком детей. За ней неторопливо шествовала богатая дама в немислимо пышной юбке. Пришлось прижаться к запертой двери купе, чтобы пропустить ее.

– Вам надо пересмотреть свой рацион, – я намеренно произнес эти слова медленно и надменно, стараясь задеть, – выбирая это платье, вы явно думали о торте.

Хорошо хоть успел юркнуть в ближайшее купе, и что еще лучше, оно оказалось пустым. Женщина кричала так, словно я посмел покушаться на ее честь. Нет, все-таки люди порой бывают забавными, особенно женщины. Чаще глупыми, чем злыми, что бы там ни писали предки. До своего первого визита к милорду я редко встречал женщин, только крестьянок, и вначале плохо понимал, что они вообще за существа. А с деревенскими у меня всегда были натянутые отношения.

Если честно, эта женщина меня немного напугала. Было в ней что-то такое знакомое. Так что эта шалость была всего лишь маленькой мещью. Выждав некоторое время, я осторожно вышел из своего убежища и влился в толпу спешащих в вагон-ресторан пассажиров.

К счастью, мне удалось найти столик у окна, на который больше никто не претендовал – не люблю, когда мешают есть. Меню, как всегда, было скудным, все мясное пришлось исключить сразу, птицу тоже. Что тут из рыбы и овощей?

– Месье сделал выбор? – Официант расплылся в дежурной вежливой улыбке, насквозь фальшивой. Он видел во мне всего лишь студента, бедного, но строящегося из себя взрослого и самостоятельного. Что ж, в чем-то он был прав. Но его высокомерие все равно было отвратительно.

– Рыбу, овощной салат, гранатовый соус и яблоко. – Как же мне надоели эти овощи, толку от них все равно мало. – И молоко.

– Месье придется немного подождать. – Официант снова поклонился и ушел. Актер из него точно не выйдет: на его лице было удивление пополам с брезгливостью. Конечно же, француз не мог одобрить выбор не сочетающихся продуктов, к тому же какой-то

рыбы при наличии в меню такой сочной вырезки и запеченной свиной шеи.

И, конечно же, он солгал. Обслуживание в вагоне-ресторане было неторопливым и не слишком хорошим. Всех толковых поваров забрала армия, все нормальные официанты ушли добровольцами на фронт. Мне оставалось лишь изучать других пассажиров. Это занятие хорошо помогало от скуки с одной стороны и давало бесценный опыт – с другой. На наблюдательность мне жаловаться не приходилось, вот только тренировал я ее отнюдь не на людях... надо бы обновить навыки.

Женщина в ужасной юбке оказалась спутницей того потного толстяка, что едва не расплющил меня о дверь купе. Через стол от них расположилась еще одна семья – скучающий мужчина и его жена с дочкой. Дитя оказалось избалованным и совершенно не желало вести себя подобающе. Маленькое чудовище, изводящее забитого отца и высокомерную мать. Женщина и на своего супруга, и на молодого официанта смотрела с одинаковым презрением, а вот к дочери прислушивалась и старалась выполнить все ее прихоти. На редкость мерзкая особа. В каждом ее жесте сквозила фанатичная ненависть к мужчинам и чувство собственного превосходства надо всем этим миром.

Дальше расположился какой-то студент, билет которому явно оплатили родители или друзья, потому что денег на приличную еду у него не было. Он, как и я, рассчитывал, что успеет приехать в академию как раз к обеду. Напротив него устроилась благообразная старушка. Она помешивала ложечкой добавленный в чай коньяк и тихо наслаждалась жизнью. Что ж, хоть один счастливый человек в этом вагоне. Мои размышления и наблюдения прервал официант с подносом.

– Ваш заказ, месье, – с легким неодобрением произнес он, выставляя передо мной тарелки.

– Не знаю, от чего умерла эта рыба, но зачем вы так жестоко надругались над ее трупом? – довольно громко и протяжно произнес я, глядя в глаза официанту.

Обычно это раздражает и пугает, хотя, может быть, все дело в моих бледно-серых глазах и немигающем взгляде?

– Мои извинения, месье, – невнятно пробормотал официант, посмотрел на меня каким-то испуганным взглядом и сбежал к следующему пассажиру.

За соседним столиком упоительно пахло жареным мясом. Вкусно, наверное. Не знаю, не пробовал. Мне нельзя. Со вздохом

ткнув вилкой рыбу, я понял, что умерла она от старости. И как им не стыдно было готовить старушку? Вроде бы она должна быть запеченной, но больше похожа на переваренную. И на вкус так же мерзко. Французы все-таки совершенно не умеют готовить. Вроде бы и реки есть, и море, так почему они не способны приготовить самую обычную рыбу?

– Принесите кипяток, – официант от моего оклика чуть не подпрыгнул, едва успев перехватить съехавшую к краю подноса кружку с пивом.

Что ж, буду бороться с анемией своими методами, благо семейных рецептов хватает. Рыбу все-таки пришлось доесть, как и пересоленный овощной салат с непонятной заправкой. Я прислушался к своим ощущениям. Вроде бы пока не тошнило, еда была хоть и отвратительная, но свежая. И мяса из мести мне тоже не подсунули. Это я бы точно сразу почувствовал.

На этот раз официант вернулся быстро и даже почти удивился, когда увидел, как я высыпаю в воду какую-то труху с листиками из мешочка. Лучше тебе не знать, что там в составе, а то еще проснется в забитом официанте ярый католик. Куда мне потом прятать труп и как оправдываться перед милордом?

Настойка получилась на редкость гадостная – горькая и кислая одновременно, зато она ускоряла процесс кроветворения, очищала организм и уменьшала головокружение. Незаменимое средство для любого мага в моем роду. Ненавижу эту гадость, хотя давно уже к ней привык. Когда тебе приходится за любое колдовство отдавать свою кровь или плоть, такие вещи становятся необходимыми. Дрянная у меня магия, милорду с его тонким воздействием повезло куда больше. Хорошо хоть за многие поколения в моем роду закрепилась способность быстро восстанавливать количество крови в организме.

Стакан я забрал и вымыл потом сам в туалетной. Выпестованная семейными хрониками паранойя настойчиво советовала мне вообще разбить его на осколки и выбросить в окно. С трудом, но я справился с этим желанием. Исключить любую возможность, что семейный рецепт узнает посторонний. Всегда помнить, что каждый незнакомый тебе человек может быть доносчиком Инквизиции. И как только мои предки жили, шарахаясь от каждой тени? Вряд ли посудомойка сможет выяснить рецепт моего настоя по остаткам в стакане, но зачем рисковать?

Поезд подошел к станции с большим опозданием, снаружи вместо ясного дня стояла кромешная ночь. Мало того, что по дороге пришлось два раза пропускать военные составы – все остальное вре-

мя мы ползли со скоростью человека с перерубленным позвоночником. Но глядя на то, с каким смирением принимают этот факт остальные пассажиры, я тоже решил не волноваться по пустякам.

На станции меня уже ждал экипаж. Надеюсь, встречающих все-таки предупредили о задержке, и бедолагам не пришлось скучать здесь полдня. По крайней мере, они явно были рады меня видеть. Полный лысеющий мужчина в очках – думаю, профессор – широко улыбался и поминутно вытирал пот со лба. Худощавый нескладный кучер стоял рядом с лошадьми и гладил их морды. Какие-то эти звери больно уж крупные. В деревне была только одна полудохлая кляча, и она была заметно меньше этих. Не мне бояться животных, но все равно стало как-то неуютно.

– Рад, что вы наконец добрались к нам, мсье де Тенебре Энфер-Эсприт, – профессор смущенно улыбнулся, – я ничего не напутал в вашем имени?

– Все верно, – даже не буду гадать, сколько сил и времени он потратил на запоминание, – но вы ведь мой профессор? Тогда зовите просто Люк.

Эта фамилия – давнее прозвище, закрепившееся за кем-то из моих предков. Как-то оно даже переводится, не помню только как. Никогда мне не нравилось: слишком сложно и вычурно для древнего выродившегося рода. А вот имя действительно мое, данное при рождении. Простое и безыскусное. Дядюшка, чтобы его демоны в аду на части драли, видимо, решил не тратить фантазию на выбор имени для меня. Хорошо хоть не назвал Анри или Жак.

Профессор даже помог дотащить чемодан до экипажа и сел напротив, дружелюбно улыбаясь. Слишком заботливый. Это раздражает: так и тянет сказать ему гадость, чтобы смотрел с презрением, как и все прочие. Хотя крестьяне еще и боялись. И ненавидели. Я к этому давно уже привык. А вот к такой заботе – нет, и привыкать не намерен! В конце концов, я ему не ребенок.

Академия, в которую я направлялся, была старинным учебным заведением, открытым кем-то из предков милорда. Она располагалась в стенах старого перестроенного замка, имевшего в своем прошлом немало кровавых страниц. Франко-, англо- и германоязычных студентов в ней всегда было поровну, исключения не делались даже во время войн. Образование тут тоже давали хорошее. В общем, передовое учебное заведение, сейчас активно развивающее научные и технические направления.

А еще магию. Предки милорда, да и он сам, традиционно прятали в стенах своей академии всяких безобидных магов, пресле-

дурных церковью. Слишком бездарных, чтобы их можно было назвать реальной силой и обвинить семью милорда в попытке собрать армию, зато герцогам было приятно хоть в чем-то напасть на Ватикану. К ним под крылышко стекались слабые маги и звездочеты, алхимики и прорицатели. Изучение магических дисциплин всегда было факультативным. Думаю, сейчас в академии тоже преподают несколько профессоров-магов.

Предки милорда всегда были на особом счету у королей Британии и потому пользовались их покровительством и защитой. Хотя это, к сожалению, не избавило академию от нездорового любопытства местного епископа – наблюдателя, поставленного Ватиканом. Как истинный маг, милорд не любил церковь, но с их посланником мирился.

Несколько раз за свою историю герцогство оставалось без покровителя, но один из предков милорда создал особый фонд, из которого выплачивались деньги на содержание академии, так что она не закрывалась даже в самые непростые времена. Сейчас изрядную часть ее бюджета составляет плата за обучение, вносимая студентами из аристократических семей Британской и Германской империй.

Вот и все, что мне удалось разузнать про академию. Теперь мне предстояло изображать ее студента. Жуткая нелепость и совершенно не подходящее для меня задание. Но такова воля милорда. С другой стороны, если в академии происходит именно то, что я предполагаю, кроме меня все равно никто не справится.

Профессор посмотрел на кучера и кивнул ему на мой чемодан, второй раз тащить его сам он явно не собирался. Не такой он и тяжелый, если уж на то пошло.

– Вы устали с дороги? Если хотите, вам принесут ужин в комнату, – профессор выжидающе посмотрел на меня. Как же он раздражает, но сейчас он мне нужен как союзник, я же не могу все делать сам, правда? И не хочу. – Есть какие-нибудь предпочтения?

– Рыба, – тяжело вздыхаю. Интересно, здесь ее тоже не умеют готовить? – А что вы преподаете? Хорошие манеры?

– Нет, астрологию и астрономию, – профессор смутился, как будто это было что-то постыдное.

Кажется, милорд что-то рассказывал мне про этого человека. А, точно: он – маг, хоть и очень слабый. Не может даже кружку молока подогреть, не начертив сложной схемы, учитывающей положение звезд и планет в момент начала и динамику их движения в процессе. Такая техника требует совсем небольшого вложения магических сил, но она очень затратна по времени.

– Сначала мне надо сходить к ректору, – и сам я, конечно же, дорогу не найду.

Профессор некоторое время соображал, что мне от него надо. Для мага он ужасно медлительный. Хотя, о чем это я? Ему нужна только точность и усидчивость. Быстро соображать вовсе не обязательно.

– Хорошо, Вильгельм вас проводит, – профессор все-таки забрал чемодан, кивнул кучеру и ушел.

Отлично, значит, кучера зовут Вильгельм. Не самый приятный спутник, но хотя бы молчаливый.

Чтобы добраться до кабинета ректора, нам пришлось преодолеть две лестницы, каждая метров по семь высотой. Кучер даже не запыхался, преодолев этот ступенчатый ужас, а вот мне пришлось остановиться перед резными дверями, чтобы отдышаться. И все из-за малокровия. Вдох, выдох. С людьми из внешнего мира я уже разговаривал, ничего сложного. И мне совсем не страшно. Двери поддались легко, без скрипа. Даже завидно стало на секунду. Блаженная тишина и легко открывающаяся створка. Не то что в моем доме, где в каждую петлю, кажется, заточена неупокоенная душа. По крайней мере, скрипят они именно так.

Кабинет оказался просторным и уютным: камин, книжные стеллажи во всю стену, ковер, большой стол – все теплых тонов. Ректор, молодой мужчина с цепким внимательным взглядом, приветственно улыбнулся.

– Добрый вечер, мсье де Тенебре Энфер-Эсприт. Я ждал вас еще днем, но поезд, видимо, опять задержали из-за военных. Как же я рад, что вы, наконец, добрались, – он поднялся и протянул мне руку.

Вот еще не хватало! Не люблю, когда ко мне прикасаются.

– Можно просто Люк. Давайте сразу перейдем к делу.

Я не собирался ни извиняться за задержку, ни отвечать на приветствие. В конце концов, я здесь ненадолго, пока не выполню задние милорда, так что любезничать незачем.

– Ну что ж, давайте, – ректор несколько неловко опустил руку и указал мне на стул, стоявший напротив его стола. – Ваши бумаги милорд мне уже переслал, так что можете об этом не беспокоиться. Здесь ваше расписание и номер комнаты. Если вам будет нужна моя помощь – обращайтесь. – Он протянул мне папку с бумагами. Среди прочих нашлась даже подробная карта академии с потайными ходами.

– Благодарю, но отказываюсь, – я поднял глаза и посмотрел на ректора. Неужели он не понимает, как это будет выглядеть со стороны? К тому же, такое покровительство не позволит мне выполнить задание милорда. Не говоря уже о гордости. Сам справлюсь! – Иначе ничего не получится. Я – обычный студент, по крайней мере, пока не разберусь, что тут к чему. Тогда, возможно, я попрошу вас о содействии.

– Еще я должен вас предупредить об одной группе студентов. Они могут показаться вам слишком самоуверенными и даже наглыми... – ректор замялся. Ему явно неловко было признаваться в том, что он покрывает шайку местных хулиганов.

Вернее, борцов за справедливость, защитников слабых и бедных. Эти студенты приглядывали за тем, чтобы богатые детишки не зарывались и никого не обижали. И объясняли им суть правил поведения доходчиво, но весьма болезненно. В общем, говорили по душам с тем, кто не станет слушать преподавателей.

– Меня они не волнуют. Если это все, то я пойду устраиваться, – я встал со стула и направился к выходу.

Этот день действительно изрядно измотал меня. Слишком много впечатлений для того, кто до этого ни разу не покидал своего поместья и ближайших к нему земель. Я проголодался и устал, мне хотелось залезть под одеяло и проспать дня три не меньше, жаль, что у меня их не было – разобраться с проблемой надо было как можно скорее.

Мне выделили отдельную комнату в восточном крыле общежития, угловую, с камином на полстены. В ней было все, что нужно для проживания и учебы: узкая кровать, шкаф, стол, стул, полки для учебников. Скромно, но уютно – то, что надо. Всегда мечтал о такой комнатке. На тумбочке у кровати меня ждал поднос с ужином, остывшая жареная рыба двух видов, картофель, вареная морковь, шпинат и чай.

Рыба была почти съедобной, только холодной и немного жесткой, а вот овощи сильно переварили. Никогда не был разборчив в еде, но сейчас мне очень нужны были силы, а на одних травяных настояшках долго не протянешь.

Закончив с едой, я принялся разбирать вещи. Одежды у меня с собой было немного, да и разнообразной ее назвать было нельзя. Тонкий свитер с высоким горлом, черные брюки и темно-серый плащ – так одевались мои предки испокон веков. Традиция, ничего не поделаешь, даже на семейных портретах они все в этих свитерах. Отличается только цвет – черный или белый – в зависимости от специ-

ализации мага. Я же пока ношу серый – цвет не определившегося, смесь двух основных цветов. Мой дядя, личинок ему под ногти, всегда носил только черный – цвет заклинателя демонов. Отец, которого я почти не помню – белый, цвет заклинателя духов.

Обе школы были сильны, и каждая имела свои преимущества и недостатки. Я изучал основы обеих. Заклинание духов практиковал по книгам, заклинание демонов – под руководством моего больного на всю голову садиста-дяди. Я даже прошел инициацию первого уровня, принял в себя трех духов – сам до сих пор не понимаю, как выжил. Но я все еще могу их отпустить и стать заклинателем демонов.

Вот только пока не хочу, очень уж эти духи полезные. Я сам их выбирал. Дух-целитель был первым, без него я бы точно умер. Да и потом он несколько раз спасал мне жизнь. Второй дух временно увеличивает силу и скорость моего тела. С отдачей, конечно, просто так ничего не дается. А третий позволяет мне управлять огнем. В детстве боялся обжечься, вот и выбрал его.

В общем, полезные создания. Но и расплачиваться приходится даже тогда, когда они просто спят. Из-за них я не могу есть мясо ни в каком виде – духи не принимают мертвую кровь. Эти трое еще пошли мне на уступки, позволив есть рыбу. Вот демоны заставляют есть только мясо и очень редко уступают с овощами.

С другой стороны, дядюшка, надеюсь, его там на сковороде поджаривают, был заклинателем демонов, а духов боялся и ненавидел, поэтому практически не учил меня с ними обращаться. А по книгам практиковаться сложно. Это давняя история и извечная борьба – два класса сущностей друг друга не переносят, так и норовят сцепиться. Поэтому за всю историю существования моей ветви рода был только один человек, заклинавший и тех, и других – полумифический и легендарный основатель этой самой ветви. Как он это делал – не знает никто, он не оставил записей и инструкций. И завещал своим потомкам искать ответ самостоятельно.

Но я тот еще неудачник, так что найти этот способ у меня точно не получится. Мне надо выбрать либо духов, с которыми мне проще работать и которых я лучше принимаю, либо демонов, которых я боюсь до мокрых штанов. Первые слабы в бою, но отличные шпионы, вторые словно рождены для битв и кровавых оргий. Логичней было бы выбрать духов, но не хочется отказываться от такой силы, тем более что милорду она может потребоваться в любой момент. Жаль, что у меня нет брата или кузена, мы могли бы поделить силы, как отец и дядя, надеюсь, ему в аду язык через затылок вытаскивают.

Но тут ничего не поделаешь, я совершенно один, последний осколок закончившегося рода. Все, что у меня есть – это гордость и родовая честь. Цепляюсь за них, как за последний огарок свечи в темном подвале. А ведь на самом деле мне страшно. И я вполне могу признать это сейчас, когда я один. Но никогда не позволю увидеть это кому-то другому. Гордость, будь она проклята! Сколько раз я повторял себе, что я сильный, что выживу. И сколько раз выживал. Обучение закалило мое тело, хоть оно и выглядит слабым, но я выносливый. И обучение закалило мой дух, научило преодолевать страх. Все это так, но я совершенно не знаю мира, в котором оказался. Он сильно отличается от того, что описан в древних хрониках. Ну, ничего, справлюсь. Я – заклинатель, я сильный.

Ладно, теперь к делу. Меня отправили сюда, чтобы расследовать цепь странных несчастных случаев, произошедших со студентами-стипендиатами академии. Каждый раз погибал кто-нибудь из малообеспеченной семьи или талантливый сирота, тот, кого не будут искать, или чьи родные не поднимут шум. Более того, находили их обычно после полнолуния. Слишком это все походит на ритуал жертвоприношения. Если так, то в академии назревает что-то очень нехорошее, ведь с помощью подобной практики можно добиться многого, умирающий в муках человек – отличный источник энергии, способный напитать своей жизнью даже заклинание ничего в этом не понимающего неопита. Проще говоря, тут кто-то решил поиграть в колдунов, и скорее всего, плохо понимает, к каким последствиям это может привести.

Я со вздохом захлопнул чемодан и положил на полку шкафа стопку серых шерстяных свитеров. Хорошо, что здесь не так строго с формой, иначе пришлось бы надевать ее поверх привычной одежды. Эти свитера и плащи ткали духи, привязанные к поместью моими предками. Созданная ими одежда всегда сидела идеально по фигуре, была теплой, удобной и прочной, но неизменно одного и того же цвета и фасона. Когда в первый раз приехал к милорду, я, помнится, растерялся от обилия цветов в одежде его слуг и подчиненных. До этого мне доводилось покидать поместье всего несколько раз, да и то лишь для того, чтобы посетить ближайшую захудалую деревеньку. Любимыми цветами ее жителей были серый, коричневый и черный. Деревня была очень бедной, а ее жители ненавидели и боялись нас. Сначала меня удивляло: чем я, тогда еще совсем маленький мальчик, мог провиниться перед людьми, которых вижу впервые? Потом мне пришлось привыкнуть к полным ненависти и страха взглядам в спину. Для них я сам был демоном и исчадием ада.

Тяжелые воспоминания на сон грядущий – не самая здоровая привычка. Надо составить план действий, ведь начинать придется завтра с самого утра. Итак, во-первых, мне надо оттолкнуть от себя остальных студентов. Это не составит труда. Как я уже выяснил, милорд был одним из немногих способных терпеть меня людей, да и то лишь потому, что всегда был невероятно жаден до знаний и талантов. Потом надо позволить этим недоделанным колдунам узнать, что я сирота, живу один, и дома меня никто не ждет. Это можно будет сделать вначале, пока от меня еще не отвернулись. Хорошая приманка почти готова. Дальше – показать, какой я слабый и беспомощный. Опять же легче легкого. Просто припрятать гордость и пару раз упасть в обморок при всех.

Скоро полнолуние, им нужна жертва, так что я буду отличной приманкой, а там посмотрим, что они замышляют. Милорд разрешил мне лично придушить зачинщиков, если они действительно собираются вызвать кого-то опасного. Потому что нечего играть с такими силами, да еще и на его территории. Отлично.

Я стащил свитер через голову и расстегнул штаны. Теперь мыться и спать. Еще одной замечательной особенностью академии было наличие душа в каждой комнате. Более того, в кране была вода, и даже не слишком холодная. Я всегда быстро замерзал и потом долго не мог согреться. Струи воды стекали по моему обнаженному телу. Это действительно было приятно – слушать шум воды, ощущать ее кожей, чувствовать запах мыла. Пока дядя был жив, гнойных язв ему на спину, мне почти каждый день приходилось вместе с потом смыть свою кровь. Он не жалел меня, порой мне казалось, даже ненавидел. Не знаю, почему настолько сильно, ведь если бы я не выжил, наш род мог прерваться. Впрочем, невелика потеря, никто бы этого даже не заметил, мы давно ушли в тень и успели с ней слиться. Никто бы о нас даже не вспомнил.

Я стоял под текущей водой, впервые за несколько дней чувствуя, как расслабляются мышцы. Блаженство, просто неопишимо. Все-таки в этом внешнем мире есть свои преимущества. Закутавшись в большое мягкое полотенце, я вышел из душа и подошел к раковине. Над ней висело зеркало, запотевшее, все в потеках воды. А ведь мне совсем не хочется это видеть. Но я все равно поднял руку и протер его. Тщательно, не пропустив ни кусочка, и даже раму сверху. Может, это и суеверия, но я никогда не любил зеркала. С тускловатой, темной поверхности на меня смотрел худой и бледный подросток со светлыми, серовато-белыми волосами, заостренными чертами лица и большими серыми глазами, под которыми залегли тени. Да

уж, мною впору детей пугать, из гроба краше достают. Как же я устал от всего этого! Те, кто жаждет силы, не понимают, как это тяжело – обладать ею, и как порой дорого она обходится.

Перед тем, как лечь спать, мне надо было еще сделать разминку. Духи, конечно, помогут, но если не тренировать свое тело, оно просто не выдержит той силы, что они мне дадут, да и воспользоваться ею целиком не получится. Только полные идиоты полагают, что магия может дать им все, сразу и без последствий. У человеческого тела есть свои ограничения, которые нельзя преодолеть, не повредив его.

Я привычно принял стойку и медленно перенес вес на одну ногу. Спешить некуда, мышцы надо напрягать и расслаблять последовательно. Ощущать движение, плавно и не торопясь. Благодаря урокам дяди, чтоб ему там все кости в аду ломали, я могу постоять за себя, не прибегая лишней раз к помощи духов. Наклон вперед, ноги широко расставлены и согнуты в коленях. К тому же от такого мелкого задохлика, как я, никто и не ожидает отпора. Напрячь спину, прогнуться, медленно поднять туловище.

Разминок всего три вида. Одна перед сном, я должен максимально напрячь все мышцы и выпустить из них через это напряжение все, что накопилось за день. Что-то вроде «довести до предела и отпустить». Это позволит полностью расслабиться ночью во сне. Второй тип – утренние, более активные, они призваны пробудить тело, подготовить все мышцы и органы к работе. После ночного расслабления нужно некоторое время, чтобы снова собраться. И третий тип – интенсивные, в идеале они должны быть регулярными, днем или вечером, их назначение в совершенствовании тела и закреплении навыков. Однако ими, в отличие от первых двух, порой можно пренебречь.

Тренировки должны быть регулярными, если хочешь чего-то достигнуть или что-то улучшить. Для поддержания формы достаточно разминок утром и вечером, просто с каждым новым выученным приемом они немного меняются. Руки разведены в стороны и выпрямлены, только кисти рук смотрят назад, спина напряжена, приседание глубже. Дядя, чтобы его пороли ремнями, вырезанными из его же спины, заставлял меня так тренироваться с тех пор, как я начал ходить, так что это стало не просто привычкой – потребностью.

Закончив упражнения, я оделся и вышел из комнаты. Так. Если верить плану, то кухня здесь находится на первом этаже в соседнем крыле. Два пролета вниз, потом большой коридор направо. Сейчас уже поздняя ночь, все должны спать... Интересно, в этом замке есть

призраки? Вряд ли. Ими могут стать только сильные маги или те, кому вообще заказана дорога на тот свет. Какой же этот замок все-таки огромный! Надеюсь, там не будет какого-нибудь любителя ночных пиршеств. Не так давно в академию стали принимать женщин, их пока было мало, и держались они вместе, но шанс наткнуться на девушку все-таки был. И что мне тогда делать? Говорить гадости, конечно. Я ведь понятия не имею, как и о чем с ними разговаривать. Хотя это могло несколько подпортить мой план.

Замок оказался настоящим лабиринтом. За очередным поворотом вместо вожделенной лестницы обнаружился еще один коридор с незнакомой дверью в конце. Все-таки заблудился. Ладно, посмотрим, что там. Духи внутри меня с любопытством зашевелились, я едва не выругался. Когда у тебя в животе ворочаются огромные ледяные и огненные змеи, это не только очень больно, но и крайне неприятно. Я открыл тяжелые двери, стараясь прилагать как можно меньше усилий – зря что ли расслабляющую разминку делал? Отлично, библиотека. Судя по всему, не основная – та по плану находится в главном здании и раза в три больше. Сюда же студенты могли приходиться в любое время и заниматься. По крайней мере, в плане было указано, что она всегда открыта. Удобно, надо будет запомнить. Библиотека показалась мне достаточно уютной. Высокие шкафы стоят рядами, к некоторым прислонены лестницы, рядом с окнами располагаются столы с газовыми лампами. Еще несколько уютных кресел в глубине, насколько я могу разглядеть в полумраке. Тишина такая, что слышно, как кружится пыль в серебряном свете луны, падающем из высоких стрельчатых окон.

И мерзкое громкое шуршание у дальнего шкафа. Мыши так не шумят, только люди, которым почему-то не спится. Я быстренько затолкал вглубь сознания еще не успевший оформиться страх и напомнил ему, что в этом замке нет никого страшнее людей. Потом подключил свое упрямство и гордость. Что если это заговорщики? Я же должен все выяснить! Нельзя же трусливо сбегать от первой же опасности! Не зря же учился на заклинателя и тренировался.

Я бесшумно прошел вдоль шкафов и заглянул за угол последнего. У небольшого столика, спрятанного в стенной нише, стоял студент. Он не шевелился, замерев в напряженной позе. Потом, словно решившись, протянул руку и взял с полки книгу, неловко зацепил пальцами и едва не уронил. В процессе задел рукавом зажженную керосиновую лампу, но успел подхватить. На столике уже лежала целая груда фолиантов и свитков. Кажется, он искал что-то, но никак не

мог найти. В каждом движении этого странного студента сквозила нервозность, дерганность, паника.

Странно, в таком состоянии обычно реагируют на малейший шорох, но этот, кажется, ничего не замечает вокруг себя. Внешне ничего интересного – высокий, неуклюжий, темно-русые волосы, лицо тоже не особо запоминающееся. И тоскливая обреченность, пронизывающая все его существо. Почему тогда я чувствую исходящую от него опасность? С координацией и реакцией у парня проблемы, бойцом или магом он быть не может, мозгов тоже не очень-то много, в чем дело? Не понимаю. Почему же интуиция говорит мне, чтобы я держался от него подальше, а духи внутри ворочаются так, что хочется упасть на пол и сжаться в комок, подвывая от боли и страха? Не буду ему мешать. Я так же тихо сделал два шага назад, не сводя со странного студента взгляд, и только потом рискнул отвернуться и спрятаться за углом стеллажа. Теперь быстро и тихо до дверей. Сходил налить себе водички!

Кухню я все-таки нашел. Пришлось вернуться до поворота и еще раз все проверить. Вроде бы все просто, повороты даже не слишком похожи. Не понимаю, как я мог так ошибиться? Или ректор специально подсунул мне неточную карту? Что-то вроде незапланированной экскурсии по школе. Надеюсь, что это только моя паранойя.

Кухня была большой и просторной, с огромными шкафами и столами, тремя спусками в погреб и на ледник, печью, двумя плитами и проведенным водопроводом. Из всего этого мне были нужны только чайник и огонь. Ничего трудного, если бы не одно «но» – я был не первым. За столом сидела и уплетала пирожные полная девушка с копной медно-рыжих волос. Стоило догадаться, что свет здесь горит не зря, но я был так обеспокоен случайной встречей в библиотеке, что просто не задумался. Девушка замерла, не донеся пирожное до рта, и пораженно уставилась на меня.

– Не бойся, я не призрак твоей тонкой талии, – я сказал это по-немецки. Почему то мне показалось, что она немка или австрийка.

Герцогство располагалось на границе бывшей Франции и Германской Империи, поэтому студенты здесь были разноязыкие. Девушка сначала побледнела, потом пошла красными пятнами и с усилием все-таки проглотила пирожное. Иногда из ступора можно вывести только такой откровенной грубостью.

– Кто ты такой? – А голос у нее оказался ничего, не слишком высокий, приятный.

– Новый студент, – теперь усмехнуться.

Подбородок вверх и вбок, плечи назад и взгляд сверху вниз. Хотя я и ниже ее ростом.

– Странно. Ну что ж, – она пожала плечами и с сомнением посмотрела на остатки своей ночной трапезы, – есть хочешь?

Я только хмыкнул и подошел к большому чайнику, стоявшему на плите. Воды в нем было более чем достаточно. Странно, что она не ушла сразу, а я так на это надеялся.

– Если что-то интересно – спрашивай, я помогу. – Девушка быстро доела остатки пирожных и подошла ко мне.

Вот ведь надоедливая! И что ей от меня надо?

– Мне интересно, чего тебе от меня нужно, – я нахмурился и повернулся к девушке.

Она действительно хочет помочь или я ей просто любопытен, и она рассчитывает выведать побольше информации, чтобы было потом о чем сплетничать?

Девушка постояла еще минуту, решая, что делать дальше, а потом направилась к одному из шкафов и достала оттуда второй поднос с пирожными. Я отвернулся и уставился на чайник. Конечно, так он быстрее не закипит, но чем-то занять я себя должен был.

– Может, перекусишь, а то ты такой худенький. – Девушке явно было скучно есть в одиночку. Даже не знаю, жалеть или нет, что она не привела с собой подружку. – Нам не запрещают брать оставшуюся еду.

– Французы все равно не умеют готовить. – Я даже не повернулся к ней: старый помятый чайник был намного интересней.

– Тут ты прав. – Тяжело вздохнула девушка. Никак не могу понять, откуда она родом, говорили мы на немецком, но у нее был какой-то странный акцент. – Совершенно не умеют. Какое-то у них все бестелесное, что ли?

Я только усмехнулся. А ей хотелось колбасок с тушеной капустой? Чайник наконец-то закипел, и я налил себе полную кружку кипятка, высыпал туда содержимое очередного мешочка и утопил ложкой самые упрямые листочки. Теперь подождать, пока заварится, и можно пить.

– А что там у тебя? – Девушка заинтересованно пригнулась, – травами пахнет.

– Так сильно, что перебивает запах пирожных? – я отвернулся, закрыв собой кружку.

Глупо это, конечно, и по-детски, какое ей дело? Мой рецепт, семейный, секретный!

– Ты чем-то болен? Потому такой худой? – Девушка наклонила голову набок и посмотрела на меня.

Ей это и правда интересно?

– Не всем же быть такими упитанными, как ты.

Ведь должна же она обидеться и уйти! Я обхватил ладонями кружку. Мне не нужны ни ее сострадание, ни ее жалость. Мне от нее вообще ничего не нужно, я никому не позволю себя жалеть! Пусть я и не сам выбрал себе путь в жизни, но пройти мне точно под силу! Жестокая насмешливость и злость, рожденные горькой гордостью – мой щит и опора.

– Да я вовсе не это хотела сказать, – девушка смутилась и отвернулась от меня, – меня зовут Марта, а тебя?

– Люк.

Я думал недолго, в конце концов, это имя не даст ей никакой власти надо мной. И ничего обо мне не расскажет. Молчали мы долго, я надеялся, что она уйдет, она, кажется, о чем-то усиленно размышляла.

– Люк, ты только не обижайся, я не могу так разобрать все запахи. Я неплохо в травах разбираюсь, вот мне и стало интересно.

Голос ее чуть подрагивал. Я что, довел ее до слез? Может, хотя бы цепляться перестанет? Я поднял к губам кружку и отхлебнул. Еще слишком горячо, но не настолько, чтобы обжечься. Горький отвар царапает горло и обжигает желудок. Ужасная гадость, но без этого мне будет очень плохо.

Допив, я пошел мыть кружку. Ей я так ничего и не ответил, Марта тоже больше ничего не сказала, хочется верить, что на этом наше знакомство и закончится.

– Надеюсь, ты скоро выздоровеешь, – услышал я ее голос, когда уже ставил кружку на стойку и собрался уходить, – болеть – это ведь совсем плохо. Когда много болеешь, то все время сидишь один. Когда болеешь, то не можешь завести друзей. Люди не страшные, правда.

– И ничего я не боюсь, – мой голос звучит уверенно и презрительно, – и хотя бы не объедаюсь по ночам.

Я ушел, так и не услышав от нее ни единого слова и ни единого всхлипа. Ну вот зачем она это сказала? Зачем? Как смогла угадать? Да боюсь! И что теперь? Это люди меня всегда ненавидели, потому что боялись, я просто отвечаю им взаимностью! Сегодняшней ночью у меня было много всяких неприятных встреч и открытий, и что-то мне подсказывало: завтрашний день принесет их еще больше. В этой академии хватает странных личностей и без тупых индюков, заду-

мавших какую-то колдовскую пакость. Но, завернувшись в одеяло, я просто выкинул их всех из головы. Кто-то заботливо положил в ноги грелку. Засыпать в теплой постели было непривычно и приятно.

Глава 2. Человек с глазами зверя

Первым занятием в первый мой учебный день была астрология. Отлично, значит толстый профессор с его неумным дружелюбием. Я спустился вниз и почти сразу нашел столовую – в нее стекались тонким ручейком студенты и преподаватели. Людей там было пока немного, не всем надо было вставать в такую рань – большая часть занятий начиналась на час позже. Чем меньше, тем лучше. Я вообще привык есть в одиночестве. Хотя от неуверенности все равно надо избавляться. И от стойкой неприязни к людям тоже. Я ведь сильный маг из древнего рода и все такое прилагающееся. Не должен пасовать перед простыми смертными и уж точно – шарахаться от них.

К моему удивлению, завтрак можно было выбрать, я даже нашел вариант с рыбой, хотя с кухни одуряющее пахло жареным беконом. Как ни странно, было не просто съедобно, но и вполне вкусно. Они даже как-то умудрились не переварить овощи, только рис был каким-то клейким. Доев, я взял стакан с молоком и откинулся на спинку стула, скользя взглядом по собравшимся в столовой студентам. Две девушки увлеченно что-то обсуждали, низко склонившись над какой-то тетрадкой, студент в огромных толстых очках быстро что-то дописывал, едва не роняя еду на конспекты. У окна за отдельным столом сидел какой-то парень, у него на тарелке лежало несколько кусков жареного мяса и, кажется, больше ничего. На вид – невероятно наглый и самоуверенный. Может быть, даже из той компании, о которой меня предупреждал ректор. От такого типа я и сам бы с удовольствием держался подальше.

Трое студентов, расположившихся в другом конце столовой, посматривают на этого наглого и самоуверенного с явным пренебрежением, едва ли не с отвращением, но стараются делать это, когда он не смотрит. Ненависть и страх: милый коктейль. Судя по их одежде и манерам, они – местная элита, отпрыски богатых семейств, считающие себя хозяевами жизни. Значит, самовольный страж порядка и его нарушители. Хотя по идее должно быть как раз наоборот. И кто же из них решил поиграть в колдуна? Наглый тип, который считает, что ему все позволено, и от которого у меня мурашки по коже? Или потомственные аристократы и богатенькие детишки, привыкшие к вседозволенности и безнаказанности? Такие точно могли принести в жертву безродных студентов, сочтя их людьми второго сорта только из-за происхождения и нищеты. Или вообще какой-нибудь тихий забитый мальчик, мстящий всему миру за несправедливость и желаю-

щий заполучить с помощью демона любимую девчонку? Пока что не стоит отвергать ни один из вариантов.

На занятие я пришел перед самым началом – заблудился, конечно, но все-таки сумел прийти вовремя. Толстый профессор проводил меня взглядом полным облегчения. Его навязчивая доброта так раздражает! Не нуждаюсь я в его заботе и сочувствии! Я не ребенок! Слушателей в аудитории было мало: несколько девушек, один из французских аристократов и тот наглый тип, на которого я обратил внимание еще в столовой, рассеявшийся на первом ряду и положивший ноги на парту. До чего же он меня бесит своей самоуверенной наглостью! Хотя мне ли жаловаться? По сути, я ничем не лучше его, просто более брезгливый.

Лекция была до ужаса скучной, предмет мне был не интересен – я работаю с другими источниками силы, а базовые знания по движению и взаимодействию небесных объектов я приобрел еще лет в десять. А вот профессор, кажется, действительно влюблен в свой предмет: с такой легкостью рисует сложнейшие схемы, в уме вычисляет траектории, рассказывает с таким энтузиазмом, что трудно не проникнуться. Даже тот чернявый на первом ряду убрал с парты ноги. Слушает вполуха, зато старательно перерисовывает схемы с доски. Мне кажется, он даже не задумывается над тем, что они озвучают.

Я достал тетрадь и стал задумчиво вычерчивать положение планет. После сложнейших кругов призыва, в которых нельзя ошибиться ни на одну закорючку в защитном знаке, эти безобидные чертежи не вызывали у меня даже простого любопытства. Любой из них я мог запомнить за двадцать секунд и нарисовать с закрытыми глазами. Дядюшка, чтобы его там демоны с чавканьем жрали, хорошо меня натаскал в таких вещах. Записывать лекцию мне не хотелось – я все равно здесь ненадолго, так что сдавать экзамен не придется.

– Времени осталось совсем мало, так что позвольте представить нашего нового ученика, Люка де Тенебре Энфер-Эсприт. Прошу, помогите ему освоиться, – профессор наконец-то обратил на меня внимание аудитории.

Лучше поздно, чем никогда. Я встал и изобразил вежливый поклон. Девушки с любопытством посмотрели на меня и начали о чем-то шептаться. Француз и тот наглый чернявый тип даже не удостоили взглядом. Впрочем, на большее я и не надеялся. Где-то в глубине родовая честь потребовала немедленно показать им, на кого они смеют не обращать внимания. Пришлось заткнуть ее – это доставило бы неприятности милорду и точно сделало бы мое задание

невыполнимым. А этого уже не пережила бы моя личная гордость. Прозвенел звонок, я отправил тетрадь и учебник в сумку и направился к выходу. Пока еще слишком рано делать какие-то выводы.

Сначала я почувствовал его близость, ощутил удушающее, безнадежное бессилие. Нет, дело было вовсе не во мне, это было скорее предупреждением, чем угрозой. Я кожей чувствовал его взгляд и его силу. Он не был магом, он был одним из немногих, кто не подвержен влиянию изменений уровней силы или так называемых магических линий – токов энергии этого мира. Так вот, этот человек подобные колебания не просто не замечал – он их подавлял.

Суть магии – использование и изменение уровня энергии мира, представленной силовыми линиями, или энергии души, которая есть у всякого живущего. Однако у нетренированного и лишённого таланта запас ее пренебрежительно мал. Чувствовать и использовать магические линии он тоже не может. Маг же способен накапливать энергию внутри себя и использовать ее для преобразования материи и энергии. Также он может видеть или каким-либо иным образом чувствовать энергетические или, как их еще называют, силовые или магические линии. По сути, эти линии – что-то вроде кровеносной системы вселенной. Так вот, маг обычно может обнаруживать линии, брать из них энергию или же работать непосредственно через них. Так все и происходит: обнаружение источника, накопление энергии, составление формулы, схемы или заклинания, преобразование и результат.

Такие же, как этот человек, умеют противостоять магии. Они рассеивают преобразующую энергию на некотором расстоянии от своего тела, тем самым отменяя воздействие. Либо же интуитивно запускают обратное воздействие с такими же затратами энергии, которое полностью нейтрализует то, что пытается наслать на них маг. И бонусом к этим прелестям магам и магическим созданиям рядом с ними очень неуютно.

Их еще называют охотниками, убийцами магов. Мы перед ними просто беспомощны. И один из этих милых людей стоял сейчас передо мной. Помнится, в семейных хрониках такие охотники упоминались не раз – как убийцы и мучители моих предков и их союзников. Убийцы магов часто работали наемниками, не гнушаясь брать деньги даже у священников. Так что ничего хорошего от такой встречи ждать не приходилось.

Как говорил мой дядюшка, чтобы ему мозги через нос вытаскивали раскаленными крючьями, если никому не веришь, никто тебя и не предаст. Членов моей семьи в прошлом предавали часто

и со вкусом. Постоянно. Особенно во время достопамятной Последней Магической Войны, пиком которой стал Последний Крестовый поход.

Моих предков едва не уничтожили, и многих убили именно такие ребята. Стараясь выжить, мы научились держаться в стороне, не доверять никому и сторониться людей. По иронии наша замкнутость и специфика ритуалов лишь усугубили негативное отношение к нам. Чем сильнее мы хотели жить, тем ожесточенней нас убивали. Пока предки милорда не предложили нам свое покровительство и защиту.

Вот такие невеселые мысли промелькнули у меня в голове, пока я стоял, глядя на моего потенциального убийцу. Гордость помогла держать спину прямой, семейная честь – не пытаться позорно сбежать.

А еще от этого парня несло самоуверенностью и мощью. Он нависал надо мной и ухмылялся, а я даже разозлиться как следует не мог. И не смел поднять глаза, продолжая разглядывать его живот. В общем, полная моя противоположность. Во мне есть только болезненная гордость – все, что осталось мне от предков. Здоровьем после веков изоляции и тяжелых ритуалов мой род похвастаться не мог. А магическая сила с этим парнем была бесполезна. И дело было даже не в том, что я завидовал ему. Едва он оказался у меня на пути, я понял, что боюсь его. Боюсь до трясущихся рук, до дрожи в коленях, до сухости во рту и заполошно стучащего сердца, боюсь так, что в затылке ломит. Его предки пытали и убивали моих предков, так почему бы ему не продолжить традицию? Мне было страшно, я едва мог стоять на ногах. Я хорошо знаю, что такое страх, и каким он бывает. За свои пятнадцать лет я научился бояться и жить с этим.

Помню, как дядюшка, раскаленный кол ему в каждую глазницу, в первый раз показал мне призыв демона. Мне тогда было года четыре. Он поставил меня в углу зала призывов на небольшое возвышение и велел не шевелиться. Меня чуть не стошнило, когда я увидел ту живую мешанину вывернутых кишок и клыков, что появилась в центре круга. А потом он убрал барьер. Тварь кинулась на меня, остановившись всего в нескольких сантиметрах от моего лица, дядя, чтобы ему спать только на раскаленных иглах, потом сказал, что если бы я пошевелился, она разодрала бы меня на части и сожрала. А спасла меня не дисциплина, а страх. До смерти перепуганный ребенок, я не мог даже моргнуть, не то что сойти с места. Никогда не забуду того холода и оцепенения, того жуткого смрада из пасти твари и самодовольной, жестокой улыбки дяди, железный кол ему в серд-

це. Я просто стоял на том камне в мокрых штанах и, кажется, даже не слышал того, что он говорит мне. Длилось это, казалось, вечность, а по часам – всего десяток минут. С тех пор я боюсь демонов. Мне приходилось, конечно, призывать и использовать их, но я все равно боюсь. Это детский, безотчетный, животный страх. С этим человеком иначе, я ведь понимаю, кто он. Убийца. Охотник. А я его жертва, слабая и беспомощная.

– Эй, мелкий, я тебя предупреждаю: не мути на моей территории, усек? – голос его был таким же громким и самоуверенным, как и он сам.

Наконец, я осмелился поднять глаза. Даже удивительно, и как только это не пришло мне в голову раньше? Я ведь еще в столовой почувствовал опасность. Ухмылка, манеры и золотые глаза зверя. Запугивает. Так обычно смотрят на свою смерть. А я думал, что меня разорвет на части демон или высосет досуха какой-нибудь дух. Вот, значит, как.

– Только попробуй что-то провернуть у меня за спиной. Здесь я поддерживаю порядок! – Заносчиво добавил он, выводя меня из транса.

– Наверное, и за манерами студентов следишь? Сразу видно, что ты образцовый ученик, – Даже не знаю, откуда взялись эти слова, я привычно тянул гласные, презрительно чуть вздергивая губы. Ответная наглость заставила страх отступить, хотя я знал, что он никуда не делся, только притаился до поры. – Не знал, что тут принято лезть в чужие дела без спроса.

– Вот теперь знай! – зверь-охотник отвернулся и зашагал к двери аудитории.

Профессор стоял за кафедрой и смотрел на меня как-то растеряно и жалобно. Вот ты-то тут причем? Если уж кто и виноват, то ректор, допустивший такой произвол. Хотя профессор и не мог знать, кем был этот парень. Слишком слабый маг.

– Ой, да не переживай ты так, он ко всем цепляется. На самом деле, он справедливый, – одна из девушек подошла и обняла меня за плечи.

Гадость какая! Ненавижу, когда ко мне прикасаются! Обычно прикосновения означают боль. Не люблю.

– Справедливый, это значит, не щадит никого? – я сбросил ее руку и прямо посмотрел в лицо. Не сказал бы, что она была красивой – так, обычная, но глаза у моей случайной утешительницы оказались умные, внимательные. Она поступила в академию ради знаний, а не

ради брака, как многие другие девушки, – или ему одинаково на всех плевать?

– Я вовсе не это хотела сказать!

Я не стал дослушивать, она меня раздражала. Кого-то страх делает слабым, для меня он означает, что пора повышать свой уровень. В моем крошеном мирке всегда было много невероятно сильных тварей. Тех, кто вызывал у меня страх, я всегда старался изучить и подчинить при следующей встрече. Так меня учили. В академии тоже хватает пугающих людей. Значит, мне надо найти способ «подчинить» их так же, как я это делаю с духами или демонами – либо подавить волю, либо заключить взаимовыгодный союз. Не с этим желтоглазым, конечно. С ним мне пока не тягаться, так что просто постараюсь просто встречаться с ним как можно реже.

Не знаю уж как, но новость о том, что местная знаменитость угрожал новичку, быстро распространилась по академии. Кто-то мне сочувствовал, кто-то злорадствовал, кто-то старался держаться подальше. За несколько часов, прошедших между нашим столкновением и обедом, я узнал об этом парне гораздо больше, чем мне хотелось. Его подобрали в лесу несколько лет назад, зимой – тогда волки не сожрали его только каким-то чудом. Побрезговали, наверное. Желтоглазый ничего не помнил. Откуда он взялся тоже никто не знал. Ректор дал ему шанс – доступ к учебникам и разрешение сдать экзамены через полгода. Парень не провалился. Более того, он собрал группу таких же чудиков и уродцев, как он сам, и теперь делает за ректора всю грязную работу. Что-то вроде благодарности, видимо. Например, недавно желтоглазый сильно избил одного студента из богатой аристократической семьи. Ректор был очень зол, но после разговора со своим верным псом внезапно успокоился. Тот студент-аристократ хотел вызвать демона перед экзаменами. Даже собирался прирезать местную крестьянку. Его семье пришлось немало заплатить и долго уговаривать милорда замять это дело. Студента отчислили, авторитет желтоглазого вырос. Как и доверие к нему со стороны ректора. Безумно интересная история, хотя для меня почти бесполезна. Ну, разве что шансы, что преступник именно желтоглазый, сильно уменьшились. Мне же лучше.

Второй раз он поймал меня после ужина на следующий день. Я шел к себе в комнату, нагруженный ненужными книгами и учебниками. Желтоглазый вышел из-за колонны, за спиной у него маячил один из его дружков. Коридор был слабо освещен, так что эффект вышел что надо. Разбитые и еще на замененные светильники, и ни одной живой души, кроме нас. Я обреченно посмотрел на второго

парня. Кажется, о нем я тоже кое-что слышал. Он был более спокойным, уравновешенным и служил желтоглазому чем-то вроде противовеса. Хоть какое-то облегчение. Призывать демонов или духов не хотелось, драться – тоже. Тогда недоделанные демонологи точно ко мне не сунутся. Но просто терпеть я тоже не собирался.

– Эй, мелкий. Может, ты и колдун, но это – моя академия, – он встал посреди коридора, широко расставив ноги. Этакое воплощение гордости и силы, незабываемый монумент самому себе, – и здесь я сам могу навести порядок.

– Я же у тебя швабру не отбираю, хочешь – наводи, – я пожал плечами и попытался обойти его.

Все равно ничего более умного придумать не смогу, когда живот так от страха крутит, а духи внутри устроили пляски, пытаюсь выяснить, кто из них мне вскоре понадобится, иначе говоря – кого я буду кормить.

– Ты что, не понял, малец? – он развернулся, схватил меня за отворот плаща, притянул и поднял над полом. Я едва не грохнулся в обморок, хорошо хоть ткань, сотканная духами, была крепче меня и даже не затрещала. – Не знаю, что ты здесь вынюхиваешь, но и так видно, что ты не учиться сюда пришел! Если узнаю, что в мои дела лезешь – не поздоровится!

Я только кивнул в ответ. Что я мог ему сказать? Что я знаю, о чем он толкует? Что это за дела такие важные, что он на каждого новичка так косо смотрит? Что ему это может оказаться не по силам? Что мне это может оказаться не по силам? Или что я подозреваю и его тоже? Нет уж, я не хочу умирать так рано.

– Ладно, черт с тобой. Я предупредил, – он отпустил меня и ушел, окинув напоследок презрительным взглядом.

Зря это он. Презирать людей здесь могу только я. Моя гордость не позволит так просто это спустить. Ведь кроме этой гордости и древних знаний у меня ничего почти не осталось! Как он смеет так на меня смотреть?! как он смеет так себя вести со мной?! Мой род очень древний, и пусть в нем всего лишь один слабый, до сих пор не определившийся со специализацией я, у этого безродного ублюдка нет права насмехаться надо мной! Пусть даже он и охотник на магов, пусть даже он и смертельно опасен.

Вот на этой мысли весь мой боевой запал куда-то делся, оставив только мерзкий привкус проглоченного унижения. Не в этот раз. Сейчас я слишком занят. У меня есть задание, мне не до всяких самовлюбленных варваров. Пусть считает себя лучше других, пусть

даже не без основания, но преступников найду я. Вот тогда и посмотрим, кто из нас лучше!

В конце концов, если не выполню поручение милорда, он может вообще расторгнуть вассальный договор. А его кровь и этот самый договор защищают меня и скрывают мое поместье от Ватикана и его гончих. Не будет защиты – они быстро меня найдут. А там мне придется полагаться лишь на свои силы. И я очень сомневаюсь, что их хватит.

Кроме того, мне совершенно не хотелось возвращаться домой так быстро. Мой дом – это мрачный особняк, окруженный садом с давно высохшими деревьями, населенными духами, слуги – тоже духи и демоны, запечатанные и привязанные к дому и к Чаше Крови, которая встроена в его основание – в ней хранится кровь всех моих предков, и моя, кстати, тоже. Эта кровь питает духов и демонов, запечатанных в стенах. А из компаньонов меня там ждут только портреты моих предков, да их же лица, выжженные на стенах и потолке зала призыва. Можно, конечно, сходить в соседнюю деревню, оберегающего заклатья как раз хватает на ее половину, но люди там меня ненавидят. Они боятся меня, как боялись всех моих предков. Этот страх уже настолько въелся в них, что они просто не выживут, если куда-нибудь переселятся. А ведь я их не держу. И именно из-за этого страха деревенские так люто меня ненавидят. Навредить не осмелятся, но проклинать будут. Что поделать, они много поколений уже живут в тени моего поместья и уже давно не пытаются проникнуть внутрь.

Можно, конечно, завести наследника и воспитывать его, но я не хочу. Даже не уверен, что буду когда-нибудь это делать. Не так уж и плохо, если на мне род оборвется. Да к тому же я только начал узнавать мир, отправился путешествовать, увидел краски. Не хочу снова возвращаться в это безумие, в это предместье ада, не хочу снова оказаться запертым в этом семейном склепе. Не хочу. А поэтому я должен найти преступников любой ценой.

Первым делом стоило обезопасить себя и обеспечить информацией. Поэтому я решил проследить за желтоглазым. Сильно сомневаюсь, что он и есть преступник, скорее, он тоже пытается расследовать цепочку странных смертей в академии. А раз так, он мне конкурент. Так лучше уж я буду знать о каждом его шаге. За самими желтоглазым не проследишь из-за его способностей, так что пожалуй выберу я целью того спокойного парня, что был с ним во время нашей последней встречи.

Что ж, можно приступать. Для начала я вернулся в свою комнату и заперся изнутри. Никто не должен мешать мне во время ритуала призыва. Теперь надо выбрать, кому именно я поручу слежку. Дух-шпион не обязан быть высокого ранга, к тому же мне стоит побережь сильных на всякий случай. У меня в коллекции есть один подходящий – тихий, незаметный и быстрый. Его мне уже давно удалось подчинить и заключить долгосрочный контракт, теперь я мог вызывать его в любое время и обходиться небольшой платой. С незнакомыми сложнее, надо проводить полный ритуал, заключать отдельный договор на услугу или усмирять и заключать постоянный.

Дорисовав последний символ защиты во втором круге, я произнес формулу призыва духа по имени. Ритуал обычно проводится с помощью двух кругов – один для демона или духа, второй, защитный, для заклинателя. Это основа, без которой ничего не выйдет. У каждого круга свое предназначение, согласно которому вокруг него рисуются магические символы. Первый – это условие, глубина и оковы, второй – имя, глубина и защита. Чтобы призвать нужного духа или демона, надо назвать его имя или критерии – кто тебе нужен, и где он обитает. Духи живут в Чистилище, Демоны – в Аду. Это надо указать на круге, как и то, на каком именно уровне обитает призываемый. В отличие от нашего мира, миры сущностей – демонов, ангелов и духов – имеют многоуровневую структуру. Потом надо сковать демона или духа, не давая тому покинуть круг призыва. Это первый круг. Чтобы уберечь себя, надо назвать свое имя или статус, потом обратиться к уровню внешнего мира с просьбой отпустить свое дитя и потом только наложить защиту от случайного или преднамеренного разрушения оков. Это второй круг.

Я призывал первый уровень, самый близкий и самый слабый, дух мне был хорошо известен, бояться было нечего. Шел он неохотно, ткань мира трижды прогнулась, прежде чем впустить его. Обычный человек не видит духов, если они того не желают или если им не приказывает заклинатель. Мы, заклинатели, можем их видеть, когда захотим, и всегда ощущаем присутствие. Трудно сказать, на что похож дух – это что-то вроде длинного серого клочка дыма или тумана от полуметра длиной, спереди у него находится лицо – металлическая или костяная маска в виде оскаленного черепа с короной, рогами, наростами – зависит от вида и уровня духа. Ну и, конечно же, частокол длинных и очень острых зубов-иглок.

– Приветствую тебя, Крадущийся бесшумно. Ты призван, чтобы следовать и знать. Согласен ли ты взять плату и выслушать меня? – Говорить на языке духов было сложно, иногда мне на-

чидало казаться, что мое горло удлинилось и завязалось причудливым узлом. Звучание языка было текучим, плавным и в то же время немного шершавым, как стелящийся по земле туман. Дух подлетел ближе, ткнувшись уродливой маской в барьер. Он согласен. Я проверил наш с ним контракт, тщательно обновил все слова в нем. Дух слабый, да и знакомы мы давно, но рисковать не стоит.

Одним движением я разрушил оба круга и шагнул наружу. Дух сразу же прильнул ко мне, обдав ветром, лишенным вкуса и жизни.

– Ты будешь следовать за человеком, которого я укажу тебе, будешь наблюдать за ним незримо, так, чтобы он не смог обнаружить тебя. Каждую смену света в это время ты будешь приходить сюда и сообщать мне о его делах, тогда же ты будешь получать свою плату. Согласен ли ты с условиями?

Со знакомыми духами можно не усердствовать с формулировкой, не то, что с демонами, которые так и норовят исказить смысл. Я снова почувствовал на лице ветер. Ни один из них так ни разу и не заговорил со мной, даже не знаю, способны ли они на такое.

Я подошел к столику и закатал рукав свитера. Специально подготовленный ритуальный нож легко разрезал кожу на предплечье. Дух жадно припал к наполняющейся кровью ране и начал пить. Такова плата, которую берут духи. Это позволяет им оставаться в нашем мире. Это надо им от нас, заклинателей. Мы отдаем свою кровь и внимательно следим, чтобы они не взяли больше, чем нужно. Получив слишком много силы, духи могут выйти из-под контроля, обезуметь и убить заклинателя. Потом они, скорее всего, и сами погибнут. Этот мир губителен для духов, без притока крови они не могут здесь находиться. Мертвый же заклинатель не сможет ни выпустить духа из внешнего круга защиты, ни вернуть обратно. Поэтому они не берут больше необходимого – знают и не хотят умирать долго и в муках.

Я положил ладонь на металлическую маску духа и оттолкнул его, потом туго перебинтовал руку заранее подготовленным бинтом. Теперь надо было дать задание, обозначить цель. Я вызвал в своей голове воспоминание о своей последней встрече с желтоглазым, сосредоточился на его друге, представил его во всех подробностях, как только сумел, потом передал образ духу. Пока в нем находится моя живая кровь, мы связаны и можем воспринимать друг через друга. Дух несколько раз беззвучно открыл и закрыл страшную пасть и метнулся к двери, легко пройдя сквозь нее.

Я тщательно вымыл пол, потом проверил еще раз, не остался ли где-нибудь нестертый символ. С одной стороны, негоже разбра-

сываться знаниями, с другой – дверь за собой надо закрывать, мало ли кто может попытаться пройти сквозь нее. До первого доклада духа у меня были еще сутки, на это время про местных блюстителей порядка можно забыть: в конце концов, не они моя главная забота.

Я заварил себе травяной настой и залез с ногами в кресло. Сегодня мне удалось раздобыть спиртовую горелку и колбу в старом неиспользуемом кабинете химии, так что за кипятком на кухню можно больше не ходить. Как и всегда, после призыва меня несильно потряхивало. Все-таки работа заклинателя очень нервная, всегда надо следить за каждой мелочью, не допускать ни малейшей оплошности, контролировать каждый шаг, каждое движение. Я обреченно выдохнул, делая первый глоток. Какая же гадость, горькая и противная! Но для меня это единственный способ лечить малокровие. При каждом призыве духа приходится отдавать ему плату. Те, что живут во мне, тоже ее требуют, а есть красное мясо, которое лучше всего влияет на кроветворение, мне нельзя. Духи не переносят мертвую кровь, только живую. Я допил настойку и поморщился, ощутив на языке размякшие лепестки. Это тоже плата за силу, но терпеть боль все-таки лучше, чем пить эту гадость.

А утром я снова отправился на занятия. У меня в расписании было множество совершенно ненужных и необязательных оккультных предметов. Интересно, кто мне их назначил? Профессор астрологии на первой же лекции выдал мне листочек с моим расписанием. Наверное, тот, кто делал мне расписание, решил, что недоделанные чернокнижники будут ходить на такие пары. С чего бы это? Ну да ладно, посижу я на этих лекциях, поскучаю.

Сегодня была нумерология – занудная и для меня абсолютно бесполезная. Слушать я ее все равно не собирался, поэтому просто рассматривал студентов, сидевших передо мной. Например, на два ряда ниже и чуть левее расположился высокий серьезный на вид молодой мужчина в очках. Как я уже успел выяснить – один из членов так называемого дисциплинарного клуба, главой которого был желтоглазый. Этот мужчина что-то быстро записывал в тетрадь, время от времени поднимая голову и глядя на доску. При этом вид у него был донельзя сосредоточенный. Еще одна мерзкая личность: не только высокомерный, но и расчетливый.

Впрочем, так о нем говорили студентки. После той стычки с желтоглазым меня взяли под негласную опеку. Сначала меня это ужасно раздражало, но потом я понял. Девушки были просто неиссякаемым кладезем знаний об академии и ее обитателях. Пришлось придушить гордость, заткнуть страх и начать расспрашивать. Так я

узнал и о дисциплинарном клубе, и о местной элите. И даже нашел себе главных подозреваемых. Но больше всего меня поразило, что информацией они делились ничего не требуя взамен. Я привык совершенно к другому. Платить надо за все, и я с ужасом ждал этой платы.

Немолодая, сухопарая женщина-профессор что-то чертила на доске. Наверное, эта академия была первым учебным заведением, допустившим женщину к преподаванию, хоть назвать нумерологию предметом все равно язык не поворачивался. Человеческая судьба – вещь переменчивая, будущее зависит от слишком большого количества факторов, чтобы можно было его предсказать с высокой долей вероятности, а уж числа точно не могут влиять на человека. Если, конечно, он сам в это не верит. Цифры и системы счисления придумали люди, и они при этом не слишком напрягали фантазию, просто заимствуя все из природы.

С другой стороны, такие занятия могут быть полезны и для чего-нибудь другого. Например, этот поборник справедливости в очках, что сидит на два ряда ниже, по слухам очень любит цифры. Только он предпочитает не гадать, а извлекать выгоду. Или, проще говоря, он любит деньги. Плохо это или хорошо – не мне судить.

Мне никогда раньше не требовались деньги, я жил в родовом поместье, где вместо слуг были духи, а оплата за продукты происходила по давно заведенной схеме. Семья фермеров регулярно доставляла к границе моих земель все необходимое и получала деньги с семейного счета в ближайшем банке. Единственное, что менялось, это список, да и то обычно при появлении на свет нового члена семьи или смерти старого. Тогда надо было просто написать письмо семейному поверенному в город и приказать духу доставить его. Забирали продукты и готовили тоже духи, так что контакт нашего семейства с окружающим миром был сведен к минимуму. Конечно, у нас был счет – давным-давно положенные в банк под проценты деньги – при необходимости я мог снять столько, сколько нужно, но раньше мне этого не требовалось. Поэтому к деньгам я был равнодушен, они не вызывали у меня ни трепета, ни вожделения.

Лекция тянулась бесконечно долго, у меня начала болеть голова, а еще я ужасно хотел спать. Вчера допоздна читал книгу, прихваченную из семейной библиотеки, очередное описание демонов и круги для их призыва. Для некоторых ритуалов требовалась человеческая жертва или очень уж большой кусок самого заклинателя. Интересно, откуда мои предки брали столько ненужных людей?

– ...Продолжив вычисление по данной схеме, вы сможете считать искомую кодовую последовательность.

Голос профессора прозвучал необычно громко и резко. А я уже успел привыкнуть к его мерному журчанию.

Я прекратил рисовать защитные круги в тетради и поднял глаза на доску. Какая-то сложная зубодробительная формула, явно непонятная большинству студентов. Обычно на такие лекции ходили либо те, кто всерьез увлекался мистикой, либо тот, кому эти навыки нужны были для каких-то иных целей. Были, конечно, и такие, кому просто надо было набрать определенное количество еженедельных занятий. Эти обычно скучали больше остальных. В остальном студенты на таких лекциях были самые разные.

– Фрау профессор, я не понял последнего преобразования, как вы так сократили?

Старательный студент с первой парты, и, кстати, из весьма богатой семьи французских аристократов. А значит, мне к нему стоит присмотреться. После того, как Франция стала частью Британской империи, появились такие, как он – восстановленные аристократы. В попытках заслужить лояльность местного населения – вернее, наиболее влиятельной его части – британское правительство вернуло титулы и часть земель потомкам французской знати, потерявшей все во время революции. Кто-то тут же продал полученное, кто-то попытался восстановить род и умножить капитал. В общем, каждый получил свое: британские снобы – равных и лояльных к ним аристократов, а новоявленные аристократы – гордый титул, налоги и кучу проблем.

В академии они старались держаться ближе к старой германской и австрийской знати и детям богатых промышленников. Проще говоря, изо всех сил старались быть им равными. Этот старательный паренек был из таких. Общался с местной элитой – небольшим клубом «слишком совершенных для этого мира» заносчивых ублюдков. Короче, моих главных подозреваемых.

После нумерологии у меня было еще три часа свободного времени до обеда, так что я решил зайти в библиотеку. В конце концов, нельзя совершить ритуал, не имея представления о том, как он делается. Сильных и потомственных магов среди студентов не было, значит – самоучки или вообще люди без особого дара. И тем, и другим нужно описание последовательности действий, схема круга или алтаря, другими словами – руководство. Вряд ли, конечно, ректор оставит подобные книги в общем доступе, но проверить стоит.

Библиотека в главном корпусе была огромной. Два этажа с галереями, шкафы метра три-четыре высотой, переходы, лестницы,

столики с лампами – здесь вполне можно было заблудиться, несмотря на указатели.

– Молодой человек, вам помочь? – я чуть не подпрыгнул, когда над моим ухом прозвучал вкрадчивый голос.

Худой и сутулый мужчина в форме библиотекаря говорил с каким-то восточным акцентом, но на достаточно хорошем немецком. Интересно, с чего он взял, что я тоже говорю на этом языке? Я повернулся и поднял голову, посмотрев ему в глаза. Больше всего они походили на две черных дыры, провалы в никуда. На мгновение я даже подумал, что у него в предках были сущности: демоны иногда смотрят точно также – завораживающе, затягивающе, бесконечно долго.

– Благодарю, если понадобится, я вас позову, – сам поразился своей вежливости.

Обычно от людей я отгораживаюсь наглостью и высокомерием, но он слишком уж он напомнил мне сущность. Зато не отвел глаз, заставив его отвернуться первым. Маленькая, но все же победа.

Я спиной ощущал его взгляд, пока не свернул за какой-то шкаф. Странный тип, можно даже записать его в подозреваемые, у него-то точно есть доступ ко всем книгам. Итак, где у нас могла случайно оказаться запрещенная литература? Вообще-то где угодно, возможно даже кто-то специально подсунул ее, спрятав под невинным названием или даже обложкой учебника. В этом случае искать в библиотеке бесполезно.

В библиотеке было людно, студенты ходили между шкафами, сидели за столиками и тихо бубнили себе под нос название очередной книги. Не умолкающий ни на секунду гул голосов и шелест не много раздражал. Я привык к тишине в библиотеке. В моем помещении это было самое тихое место, даже духи бывали там не каждый день. Я повернул направо к шкафам с книгами по биологии. На стене над ними красовалась медная табличка с указанием дисциплины, на полках – поменьше, с названиями областей. Сами книги были расставлены в алфавитном порядке по авторам. Я пробежался глазами по полкам, ища несоответствия или пустые места. Понимаю, что это слишком наивно, в конце концов, студенты могли просто сунуть, куда придется, а библиотекарь еще не успел переставить. Пустые места тоже ничего не значат, если нет под рукой каталога, но в нем я без этого странного типа с черными глазами разобраться буду очень долго, а времени мало.

На поиски зацепок в библиотеке я потратил все три часа свободного времени. Пару раз даже едва не сталкивался членами клуба

желтоглазого. Лучше просто избегать их – так и проблем меньше, и не мешает никто. За обедом ко мне подседа давешняя толстушка. Как ни странно, в девичьей благотворительной акции по моему просвещению она не участвовала. Размер ее порции поражал. Как она только умудряется столько есть и еще добавлять ночью? Некоторое время я заморожено наблюдал, как она намазывает толстый слой печеночного паштета на большой ломоть хлеба, а потом вернулся к своей рыбе и овощам. Если она хочет подружиться, то напрасно, я все равно здесь ненадолго.

Кстати о наших баранах, как любит повторять один служащий у милорда шотландец. Не нравится мне взгляд этого желтоглазого, а ему, кажется, не нравлюсь я. Ну и ладно, я не девушка, чтобы нравиться, перетерпит. Скоро я все равно буду все о нем знать. И то, о чем он перешептывается со своими друзьями – тоже. Я через пол столовой чувствую присутствие своего духа рядом с его заместителем.

После обеда у меня были лекции по алгебре и медицине, странное сочетание, но тот, кто составлял мне расписание, видимо решил, что математики и медики больше всего склонны к запретной магии. Хотя бы насчет медиков он прав, среди верных подданных желтоглазого короля есть один весьма занятный тип. Он учится на врача, но глаза и повадки у него как у серийного убийцы. Я едва успел дойти до аудитории, когда мне на плечо легла чья-то рука. Я резко развернулся, стряхивая чужую ладонь. Ненавижу, когда меня трогают.

– Ты сегодня был в библиотеке, и что-то я не видел, чтобы ты там брал что-то почитать, – желтоглазый грозно нависал надо мной, подавляя своей первобытной мощью. Не думал, что он следит за мной. Где же я ошибся? Мой опыт – только из книг, так что... где угодно. – Я ведь предупреждал тебя сидеть смиренно и не лезть не в свое дело.

– А я не в свое и не лезу, – противно тяну гласные и нагло смотрю ему в глаза, стараясь не выдать страх. Да, я боюсь, но ведь любое существо хочет жить, чем я хуже? Для меня и моей семьи такие как он – это смерть, причем долгая и мучительная. Неважно, что сейчас я под защитой милорда. Такие, как этот желтоглазый – прирожденные убийцы и охотники! Что ж, я тоже не беспомощный младенец.

Страх схлынул ледяной волной, оставив после себя слабость и дрожь. Что он может мне сделать? Что такие, как он, могут мне сделать? Убить? Я и так умру не своей смертью. Причинить боль? Пытать? Да вся моя магия – сплошные пытки и боль! Унизить? Не

хотелось бы. На одном упрямстве можно перенести многое, но в человеческом обществе нужна еще и гордость.

– Слушай меня внимательно, мелкий заморыш. Я перед аристократами никогда голову не склонял. И ты исключением не будешь! – желтоглазый, кажется, начал выходить из себя.

Как ни странно, мне стало легче, даже пальцы дрожать перестали.

Холодный и расчетливый взгляд убийцы намного страшнее вот такого, полного гнева и раздражения, потому что в нем нет жизни. А в стоящем передо мной мужчине жизнь так и кипела, еле успел увернуться от очередного ее проявления. Интересно, почему он ко мне пристает? Кто ему сказал, зачем я здесь? Кажется, тайная разведка в этой академии работает в обе стороны. Мне словоохотливые и любопытные студентки рассказали про него. А ему кто-то – про меня. Может быть, даже ректор постарался, наивно попросив его меня не трогать.

– И как тебе не стыдно орать на ребенка! – любительница ночных перекусов появилась за спиной желтоглазого, разгневанная и монументальная, как скандинавская валькирия.

– Да какой он ребенок, просто выглядит задохликом! – желтоглазый резко развернулся, едва не сбив с ног пытавшегося проскользнуть мимо него студента.

– Мне пятнадцать, – холодно сказал я, развернулся и нырнул в аудиторию.

Это я знаю, что никогда не был ребенком, мне просто не позволили, а вот ему пусть будет стыдно, если он, конечно, знает, что такое стыд. Хотя он же тут самый умный, сильный и красивый, быть не может, чтобы он чего-то не знал! Голоса в коридоре слышались еще минут десять, пока не подошел задержавшийся где-то профессор. Что ж, по крайней мере, желтоглазый расставил все по своим местам – мы оба следим друг за другом, только он еще и под ногами мешается. Ничего, посмотрим еще, кто будет быстрее. Вот только думается мне, что спешим мы с ним к собственной смерти, прямоком в ад. Если, конечно, я не успею остановить призыв. Благо, в том, что нам обоим грозит именно ад, сомневаться не приходится. И что еще смешнее, обоим по праву рождения. Моя семья проклята своим магическим даром. После моей смерти мою душу сожрут демоны или растерзают духи, смотря какую сторону я в итоге выберу. Ну, или подерутся за право ею полакомиться, если так и останусь в сером. Даже забавно было бы на это посмотреть, но не думаю, что моя душа настолько ценна. А вот ему ад грозит за все то, что его предки делали с моими.

Глава 3. Не видя крови

Вечером я решил еще раз заглянуть в малую библиотеку, на которую случайно наткнулся ночью. Конечно, вряд ли я смогу найти там запретную книгу, но понаблюдать за студентами тоже полезно. За последние дни я понял, что мне катастрофически не хватает опыта в общении с людьми. Раз уж мне довелось вылезти из поместья – первому за несколько поколений – придется учиться разговаривать. Реальные люди оказались намного сложнее тех, про которых я читал в хрониках. И проще тоже. Когда я случайно понял, что ничего страшного со мной сделать не могут – по крайней мере, страшнее того, что мне и так предстоит пережить – во мне проснулось любопытство. Так что в библиотеку я пришел изучать. Ну и восстановить душевное равновесие тоже. В домашней библиотеке я иногда просто отдыхал. Уютное и спокойное место.

Если честно, я рассчитывал на два-три объекта для изучения. Студентов оказалось заметно больше. Кто-то готовился к семинару, кто-то делал домашнее задание, а кто-то искал нужную книгу – все были неизмеримо заняты.

Местная аристократическая элита сидела отдельной кучкой. Надменные детишки дворян и богатых дельцов с презрением поглядывали на остальных, словно вообще не понимали, как здесь оказались. Только один украдкой бросал заинтересованные взгляды на рыжую худенькую девушку, читавшую за столиком Аристотеля. Что ж, выходит, и у них не все так гладко. Интересно, он счел ее достойной, или это просто инстинкты?

Я остановился у одного из стеллажей и сделал вид, что рассматриваю пухлые древние тома. Мне попался раздел средневековой поэзии. Никогда не понимал ее. Все-таки людей здесь было раздражающе много: какой-то высокий парень толкнул меня плечом, что-то невнятно пробурчал и пошел дальше, не отрывая глаза от большой старой книги. И какой смысл читать на ходу? Так проще расквасить себе нос, чем что-то запомнить. Я поправил рукав свитера – рассеченное запястье ужасно чесалось – дух-целитель ускорил мою регенерацию, но ощущения от срастающейся кожи были не самыми приятными. У меня останется еще один шрам, хоть и почти незаметный. Конечно, мои раны зарастают, но те, что нанесены для кормления духа или демона, оставляют после себя шрамы. Это напоминание. Я завернул за угол, направился к дальним стеллажам,

где было меньше людей, и чуть не врезался в какого-то здоровяка, пытающегося впихнуть книгу на полку.

– Думаешь, физическая сила поможет тебе совершить невозможное? – я остановился и посмотрел на него снизу вверх. Ну да, не вышел ростом, что поделать. – Учебнику по экономической латыни не место между хирургией глаза и иллюстрированным атласом кишечника.

– А, не тот стеллаж! То-то оно не влезает! – здоровяк обернулся, недоуменно моргнул и, наконец, додумался посмотреть вниз. – Спасибо.

Я только пожал плечами. Человеческие реакции все еще были для меня загадкой. Хотя этот парень, кажется, так и не понял до конца, что произошло. Скучно. За очередным стеллажом я увидел того робкого парня, от которого пахло опасностью. Встреча с ним ночью в библиотеке озадачила меня, поэтому я решил понаблюдать. Все-таки, лучше знать, почему от кого-то пахнет опасностью, особенно, когда он выглядит таким безобидным. Сегодня я узнал, что этот парень состоит в клубе желтоглазого. Ничего не скажешь, подходящая компания.

Но откуда же это странное чувство? Вроде бы сидит, читает, по уши зарывшись в книги. Растерянный и испуганный даже больше, чем ночью. И что же с ним не так? Чего он боится? Почему он здесь один, без своих дружков? И почему я чувствую такую тревогу, когда вижу его?

– Бедняжка, я слышала, у него не все в порядке с головой.

У меня за спиной откуда-то появилась любительница ночных перекусов и травок. Она точно меня не преследует? Остальные студентки быстро отстали, удовлетворив свое любопытство. Эта же монументальная валькирия настойчиво лезет под руку.

– Ему несданные экзамены снятся даже на лекциях? Или он смог выучить всю латынь за месяц до экзамена и с тех пор страдает? – я повернулся к ней и осторожно оперся на стеллаж, все-таки после вчерашнего ритуала меня немного шатало: крови дух выпил совсем немного, но мне хватило.

– Забавно. Но я слышала, этот студент совершенно не переносит вида крови. – Девушка пожалала плечами.

Сострадания в ней было немного, скорее любопытство. По-моему, в этом нет ничего ненормального или неправильного.

– Тошнит от каждого мелкого пореза? – Я был уверен, что дело не в этом, желтоглазый не стал бы держать в своем окружении труса.

– Нет, наоборот. Обычно он застенчивый и робкий, а если увидит кровь, словно из себя выходит. – Девушка почесала кончик носа. Никогда не видел, чтобы сплетничали с таким безразличным выражением лица. – Как будто он оборотень или одержимый. Слово совсем другой человек, даже выше становится. Хотя сама я не видела. Просто слышала, как девчонки обсуждали.

– Ты потрясающе сплетничаешь. – Я усмехнулся.

Значит, раздвоение? Первый вариант – у него проблемы с психикой, он пережил что-то ужасное, и теперь при виде крови у него бывают срывы. Почему нет? Помню, сам чуть не обмочился, увидев круг призыва демона после того случая с проверкой моего умения стоять на одном месте не шевелясь. Второй вариант гораздо менее приятный – он одержим чем-то или кем-то, кто пробуждается от вида крови. В любом случае, парень может быть опасен, надо быть осторожным: в моей работе крови много. И все-таки, чем он так напуган? Не может ли это его второе «я» быть убийцей, которого мне и надо найти? Стоило бы проследить за этим одержимым... Но тогда придется признать желтоглазого главным подозреваемым. В одиночку с таким ритуалом не справиться, тем более тому, кого в академии все считают психом, и от кого стараются держаться подальше.

Я поднялся в свою комнату и закрыл дверь на ключ. Через час должен был вернуться дух с докладом. Не перепоручить ли ему слежку за этим парнем с раздвоением личности? Нет, не стоит. Если он одержим, сущность или чуждая душа в нем может что-то почувствовать или даже напасть на моего духа. Если он просто псих, толку от слежки все равно не будет. Судя по его поведению, о своей странности этот парень знает. Думаю, ее он и боится. И потому просиживает часами в библиотеке – ищет если и не решение, то хотя бы диагноз. Не буду я к нему лезть – и у него, и у меня своих проблем хватает. Если по всей академии ходят слухи о его неадекватном поведении, контролировать его он не может. Значит, и тайно заманить кого-то и убить – тем более.

Дух вернулся точно в назначенный срок, он обвился вокруг моего горла, прижался маской к лицу, выдыхая мне в рот обрывки воспоминаний. Мешанина образов и фраз, странно выпуклые лица и тела, расцвеченные разными уровнями существования. Я видел то, что видел дух, а видят они иначе. И слышат, кстати, тоже. Они не понимают человеческую речь, поэтому запоминают ее просто как звук, такой же как шум шагов, шелест одежды, даже громкость та же. Звуки духи воспринимают в иной плоскости, различая их не по громкости, а по вибрации и значимости. Трудно объяснить, я в пер-

вый раз вообще ничего не понял из переданной информации. Самое паршивое тут, что предав собранные по приказу воспоминания, духи тут же их теряют, так что второй раз не посмотришь.

По большей части там не было ничего интересного и важного для меня. Кажется, они сильно избили какого-то парня, пристававшего к девушке, побеседовали по душам с троицей каких-то мерзавцев, издевавшихся над сокурсником. Те после этой беседы еле уползли, клянясь вести себя впредь хорошо. Потом было обсуждение бюджета клуба, какие-то скучные разговоры, лекции, тренировки на мечях с желтоглазым. Если так проходит каждый его день, то следить за ним не имеет смысла, только время тратить и силы. Но я уже заплатил, пускай. Голова закружилась, я едва мог осознавать весь проходящий через меня поток информации. Казалось, дух хочет избавиться от него как можно быстрее и уйти. Мне не за что его винить, духам противен наш мир, он их разрушает. Чтобы существовать здесь, им нужно что-то, принадлежащее ему. Например, кровь. Кровь заклинателей не только питает, но и защищает, связывает духов с этим миром. Пока этот дух не исчерпает свой запас, он не захочет возвращаться.

Заснуть я не смог, слишком яркими были стоящие перед глазами искаженные картинки воспоминаний духа. Я оделся и вышел из комнаты – хотелось немного пройтись, развеяться. В уши бились чужие слова, перепутанные с шумом и шорохом, скрипом и дыханием. Перед глазами мелькали лица, выгнутые, расплывчатые, неестественные, чужие, мелькали ветвями вытянутые руки. Я остановился, схватившись за стену, меня трясло и тошнило. Добывать так информацию – то еще удовольствие. Слишком сильно отличается наше восприятие. Ничего, это скоро пройдет, как только воспоминания потускнеют, перестанут лезть в мозг, тогда можно будет распрямиться и глубоко вдохнуть. А пока я стоял, привалившись к стене, и пытался удержать внутри себя ужин. Рвота все равно не принесет облегчения, только хуже станет.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем пол перестал шевелиться под ногами, а руки прекратили менять размер и форму. Я крепко зажмурился, досчитал до десяти и открыл глаза. Мир принял привычные очертания и стабильность. Хорошо еще, слияние не было слишком глубоким, иначе бы я неделю ходил по стеночке, а так через пару дней отпустит окончательно. Мне действительно стало легче: ночью в академии было прохладно, несмотря на жаркую погоду – напоминание о том, что когда-то это был замок. Вечные сквозняки гуляли по коридорам, заставляя колебаться язычки пламени в редких не затушенных лампах. А еще здесь было удивительно тихо,

почти как в моем родном поместье. Я медленно вдохнул прохладный, пахнущий гарью и старым камнем воздух и задержал его на пару секунд перед выдохом. Все это ощущение старины – полная глупость. Что значат для этих камней несколько веков? Им несколько миллионов лет, пару сотен лет назад их просто обтесали люди. И это касается не только камней. Людям почему-то кажется, что история материала начинается с прикосновения к нему человека, а до этого он словно не существовал. Можно еще понять, когда речь идет о камнях – они кажутся бездушными – но деревья прекрасно жили и до того, как из них сделали стропила, лавки или сундуки. Люди просто не понимают, что они не самые сильные, не самые умные и не самые умелые существа в этом мире, да и с энергией работают весьма посредственно.

Я прикрыл глаза и расслабился. Все-таки в этом месте жила история – не камней, человеческая. В этом замке сражались, умирали, любили и предавали. Сильные эмоции всегда оставляют свой след, который можно ощутить века спустя. У этого замка есть прошлое, богатое и кровавое, но славное. Наверное, никто не помнит о том, что происходило здесь прежде. Не думаю, что сохранились записи, но даже если они и есть, ими мало кто интересуется. Еще один маленький замок, кому он может быть интересен со всеми его трагедиями и триумфами? Он был построен вдалеке от основных торговых путей на спорной земле между Британией и Францией. Стратегического значения никогда не имел. Будь я эмпатом, мог бы узнать больше о его истории. И заодно поискать места, где недавно пролилась кровь. Но как же я рад, что не обладаю этим даром! Чувствовать эмоции других людей и вещей – отвратительная способность.

Я свернул за угол и поднялся по лестнице на полпролета. Мне всегда нравились такие лестницы, с не слишком высокими ступеньками, резными перилами и высоченными окнами с одной стороны. У таких окон всегда есть подоконники, на которых так удобно сидеть. В моем поместье такая лестница есть лишь в одной башне, но я редко туда хожу. А здесь – сколько угодно. Я остановился у подоконника, довольно высокого для меня, и провел ладонью по его шершавой поверхности. Он был цвета слоновой кости и выглядел теплым. Но под моими пальцами оказался лишь холод камня. Подоконники – это место для мечтателей и поэтов, для которых весь мир лежит за окном, за горизонтом. Им очень хочется решиться и пойти туда, но всегда находятся причины остаться. Я усмехнулся и забрался на него, подтянув ноги и сев боком к стеклу. Достаточно широкий, чтобы можно было не задевать тех, кто мог пройти по лестнице, и достаточ-

но прочный, чтобы выдержать вес нескольких взрослых человек. Я вплеп пальцы в кружевную решетку окна, прижался лбом к холодному металлу и медленно выдохнул. От камня тянуло холодом, но мне вообще не хотелось шевелиться. Лунный свет заливал лужайку под окном, серебрил высокие метелки какой-то травы, ярко и контрастно окрашивал весь мир в черное и белое. Чуждый, холодный, нездешний свет, такой непостижимый и опасный. Луна – солнце безумцев. В такие моменты я понимал старое крестьянское поверье о том, что нельзя смотреть долго на полную луну – она очарует и сведет с ума. Мне это не было страшно: за свою силу мы, заклинатели, расплачивались не только плотью и кровью, но и душой, и рассудком. Все мы с самого рождения знаем, что прокляты, что в конце нас ждет наш личный ад, начавшийся еще при жизни. Для нас нет спасения, мой самый страшный грех в том, что я родился заклинателем. Мне все равно. Я всегда знал, что умру в муках, и убьют меня те, кому я посвятил всю жизнь, кому отдавал плоть или кровь. В этом нет ничего ужасного, таков мой путь, путь моей семьи. Мы словно этот свет – холодные и чуждые, бесследно исчезающие с рассветом. Я тяжело вздохнул и отстранился от окна. Все эти слова такие банальные, но пожалеть себя иногда бывает приятно.

Наверное, я бы и дальше продолжил вздыхать о несправедливости этого мира, если бы мое внимание не привлекло движение в кустах под окном. Кому еще понадобилось гулять среди ночи по территории академии? Какой-нибудь студент или преподаватель тайно навещал женское крыло? Или кому-то просто нравится гулять по ночам? Я изо всех сил старался разглядеть человеческую фигуру внизу. Ну конечно! Стоило ожидать какой-нибудь гадости! Если честно, я был готов даже к желтоглазому, но не к этому. Немолодой католический священник, крадучись перебежал от одной клумбы к другой, время от времени оглядываясь по сторонам. Наблюдателя сверху он не опасался.

У меня никогда не было никаких предубеждений против религии, у моей семьи свои верования, в чужие мы не лезли, но сверх того у нас была одна очень неприятная привычка: мы вели хроники. По этой причине я слишком хорошо помнил все приметы посланцев Ватикана и еще лучше – их методы. Это они стояли за спинами охотников и отдавали приказы, это они вырезали представителей моей семьи, не щадя ни женщин, ни детей, это из-за них мы стали выродившимися изгоями. Они пытали, казнили, сжигали заживо, бросали младенцев в костры. Не слушая признаний и не слыша мольбы, они выжигали магию из этого мира. Ватикан едва не уничтожил мою се-

мью – последние представители спрятались в родовом поместье под защитой своего союзника, которого церковники тронуть не посмели. Тогда мы заключили договор, по которому кровь предков милорда защищала мою семью, а мы обязаны были служить ему, ибо только так мы получали свободу перемещения. Если охотников я просто боялся, как всякое живое существо боится более сильного хищника, желающего его смерти, то посланцев Ватикана я ненавидел. Эта ненависть жила в моей крови, как наследственное заболевание. Пусть я и видел его впервые, но наши семейные хроники для того и создавались, чтобы не забывать.

Мне с трудом удалось подавить желание вызвать знакомого демона без всякого круга и приказать ему загрызть эту тварь. Но нельзя, это создаст проблемы милорду, а мое положение и так слишком шаткое, я должен быть терпеливым. У меня сейчас другие дела, а с этим лицемерным гадом можно разделаться позже. Я досадливо ударил по решетке кулаком. Рука отозвалась ноющей болью. Вот не было печали! Из-за своей ненависти я не обратил внимания на самое главное: что католическому священнику делать ночью на территории академии, принадлежащей британскому герцогу? Который, кстати, англиканин. Надо бы выяснить для начала, куда он вообще идет. Да еще и тайком среди ночи.

Я спрыгнул с подоконника, едва не поскользнувшись на ступеньке, отполированной ногами сотен студентов. Следовало мыслить логически. Шел он прямо, никуда не сворачивал. Исчез где-то в стене прямо под моим окном. Значит, там должен был быть какой-то проход, какая-то дверь.

Я сбежал по лестнице и огляделся: надо спуститься еще ниже, где тут лестница? Мысли путались в голове, билась назойливыми птицами.

Если как следует поразмыслить, то понять, что тут делает этот священник, не так и сложно. Что бы там кто ни говорил о прогрессе и будущем, ответы на многие вопросы можно найти в прошлом, если правильно эти вопросы задать. Предок милорда находился под особым протекторатом короны Британии, потому Ватикан и не смог его тронуть, хотя явно хотел. Грехов, по крайней мере, явных, за ним тоже не числилось. Но разве можно было допускать существование еретического герцогства между двумя добропорядочными католическими странами? Да еще и герцогства управляемого колдуном? Вроде бы я где-то читал, что Ватикан настоял на наличии наблюдателя, священника-интернунция, как компромиссного варианта. Интересно, это он? Других здесь быть не должно, милорд вряд ли допустил

бы такое. Что же понадобилось посланнику Ватикана в этом рассаднике знаний и прочего порока? Не мог же он был быть причастным к загадочным смертям? Если судить объективно, то мог, но только косвенно. Зачем? Еще проще – чтобы дискредитировать милорда, доказать, что он не справляется и инициировать расследование Инквизиции. Что ж, теперь у меня был личный мотив в этом деле, даже если Ватикан не организовывал все это, он явно был в курсе дел и ждал хотя бы небольшого проступка со стороны милорда, хотя бы малейшей слабости, чтобы вцепиться ему в горло. Не дождетесь!

Да где же он? Я оказался в коридоре мужского общежития на первом этаже. Он приходил к кому-то из студентов? Тогда, скорее всего, он шмыгнул в одну из спален, но не стучаться же мне во все подряд? Можно запустить духа, но это займет много времени, и он точно меня заметит. Второй вариант – подождать здесь: не собирается же он там ночевать. А вдруг? Не хотелось бы мерзнуть тут до рассвета, да и если кто-то меня увидит, объясниться будет трудно, а через пару часов, когда я ооченею, и убежать тоже. Хоть сейчас и жарко, но древние камни, кажется, никогда не прогреваются. Наверное, это особенность старых замков.

Я пошел по коридору, прислушиваясь и отмечая, под чьими дверьми была видна полоска света. Три двери слева, пять справа, он мог быть в одной из них или на другом этаже – в конце коридора как раз есть лестница. А как он попал внутрь? Да хотя бы вон через то окно, открытое из-за духоты и не запертое слугами. Я еще раз окинул взглядом коридор, запоминая номера комнат. Надо будет обязательно выяснить, кто живет в каждой из них.

Следующий день начался для меня с криков под дверью. Мученически застонав, я посмотрел на настенные часы. В такую рань? О чем можно спорить посреди коридора в такое время? Нормальные люди еще спят! Я нехотя сполз с кровати и пошел к двери. У меня было еще два часа законного сна, не позволю каким-то там людям отбирать его. Дверь удалось открыть с противным скрипом, от которого вздрогнули оба спорщика.

– О чем беседуете? – Я говорил как можно более дружелюбно, зато вкрадчивым замогильным голосом. – Могу я помочь вам разрешить ваш спор?

Первый из споривших – высокий парень в одних подштаниках – шарахнулся в сторону и уставился на меня, как на оживший горгулью. Да уж, прекрасное видение, ничего не скажешь! Нечто в белой ночной рубашке, с пепельно-белыми волосами и бледно-се-

рыми глазами, вылезшее и пустовавшей прежде комнаты. Второй парень тоже удивился, но среагировал не так бурно.

– Прости, что разбудили, – он замялся, не зная, как ко мне обратиться.

Я не стал облегчать ему жизнь и просто захлопнул дверь. Все, пусть только попробуют повыситься голос.

Я заснул, едва коснувшись головой подушки. Мне снился серебристый туман, неясные тени и неразличимые голоса. Ничего нельзя было разобрать, даже двигался я с трудом, как в густом, вязком сиропе, к тому же, все вокруг вращалось так, что к горлу подкатывала тошнота. Не было ни верха, ни низа, только серебристая круговерть и изгибающиеся под немыслимыми углами тени. Здесь не действовала физика обычного мира, любое движение влияло на окружающее пространство, каждый шаг вперед мог привести к смещению назад, вбок – в любом направлении, к изменению размеров тела или искажению его частей. Меня тошнило, но это была реакция человеческого разума, а не тела. Я был всего лишь тенью, отражением самосознания на серебристом тумане, я был таким, каким осознавал себя, пока мог удержать концентрацию. А еще я мог просто течь, растворившись в серебристом потоке, забыв на время свою форму. Этот сон был навеян духами – что-то вроде воспоминания об их родине, как они сами ее воспринимают.

Иногда, гораздо реже, я видел сны демонов. Их внешний мир гораздо материальнее, четче и отвратительнее. И изменить форму там можно только если тебя разорвут на куски. Мрачный, черный и багровый, ледяной и пламенный, жестокий, выжженный – таким был их мир.

Я позволил себе забыть о демонах, заметив новые неласковые завитки серебристого тумана вокруг меня. Все это не важно. Можно просто плыть, забывая себя, не чувствуя ничего, кроме покоя. И я плыл частицей разума в сне о чужом мире. Мое умиротворение закончилось резкой болью. Меня укусили куда-то в печень, причем изнутри. Перед тем, как заснуть во второй раз, я неосмотрительно попросил духа-целителя разбудить меня, когда надо будет вставать. Дух-будильник. Давно пора уже было запомнить, что чувство юмора у сущностей весьма специфическое! Боль прошла почти сразу – дух-целитель залечил свой укус как только удостоверился, что я проснулся. Даже не потребовал платы за свои услуги – достаточно было того, что он слизал с моей печени. Мерзавец! Никогда больше не попрошу его меня будить! Так, стоп, давать обещания духам – полное безумие, некоторые из них любят специально довести заклинателя

до ситуации, в которой он будет вынужден его нарушить, просто, чтобы посмотреть на то, как он будет выкручиваться.

Я раздраженно скинул с себя одеяло и вылез из кровати. Пол неприятно охлаждал босые ступни, ночная рубашка путалась в ногах. Конечно, это не было семейной традицией, как вся остальная одежда. Дядюшка, грызи его лярвы за пятки, вообще предпочитал спать обнаженным, но мне почему-то было спокойнее так. Я пошел в ванную и включил воду. Через полчаса в столовой подают поздний завтрак для тех, у кого занятия начинаются позже, так что надо было поспешить.

Я спустился как раз вовремя – людей еще было мало, и можно было поесть в тишине. Даже представить себе не мог, что мне будет ее не хватать. Я думал, что наслушался тишины до конца жизни, а оказалось, что меня раздражает толпа. Ну ладно, и пугает тоже. Я чувствую себя беспомощным и слабым. И почему все студенты выше меня? И больше? И сильнее? Знаю, что могу убить каждого из них всего парой слов, мне даже не надо будет за это платить – дух или демон возьмет свое у трупа – но все равно дергаюсь, когда меня кто-то касается. Да уж, плохой из меня заклинатель, позор рода, что и говорить. Хотя я и есть весь мой род. Завести что ли наследника, или просто наложить заклетье-завещание? Что-то вроде «войти в мое поместье сможет только милорд, и ему же будут подчиняться родовые духи в случае моей смерти». Ужасно сложный и запутанный ритуал. С демонами порой проще договориться, чем учесть в нем все нюансы. Первое проще, от меня не будет требоваться личного присутствия, только провести особый ритуал и вызвать нужного духа или демона. Они все сделают за меня. Зато потом воспитывать, обучать. Я вздохнул, подошел к стойке раздачи и выбрал рыбу и овощи, как всегда.

Первой лекцией сегодня была пространственная геометрия, я откровенно скучал и чертил в тетради круг вызова одного мелкого, но приставучего и гадкого демона.

– Что рисуешь? – Сидевший рядом студент заинтересованно скосил глаза на мой чертеж.

Светловолосый веснушчатый парень с искренней улыбкой и в дорогой рубашке – редкий тип дружелюбного аристократа.

– Просто линии, они ничего не значат, – я попытался натянуть на лицо такую же пустую улыбку.

Круг призыва демона действительно состоит из резких ломаных линий, даже сама окружность должна рисоваться как многоугольник с очень большим количеством углов.

– Правда? – он недоуменно моргнул – видимо, уловил закономерность в расположении линий.

И за что мне такой догадливый? Хорошо хоть на нас никто больше не обратил внимания. Профессор был стар и глуховат, к тому же, мало на что обращал внимание, кроме своих чертежей. Остальные студенты загипнотизировано перерисовывали за ним фигуры или просто дремали. Сохранить ясный разум под этот монотонный бубнеж было невозможно.

Я кивнул, надеясь, что любопытному студенту хватит моего ответа, и он отвернется. Не тут-то было: парень продолжал рассматривать мой рисунок, покусывая губы и хмуря брови.

– А мне нравится. Есть в этих линиях что-то... – он поднял голову и робко мне улыбнулся. Как же он меня бесит! – не подаришь?

– Нет, – получилось слишком резко, но я не собирался нарушать строжайшее табу моей семьи и делиться знаниями с простыми смертными.

Этот запрет был написан кровью. Если я могу себе позволить такие шалости, как рисование кругов в тетради, то только потому, что знаю, что это и как работает, чего не хватает и каких слов требует, а не знакомый с магией человек может наворотить таких дел, что мне трех жизней не хватит с ними разобраться. Причем кончатся эти жизни одна за другой.

– А, ну ладно, – несколько растерянно протянул он.

Вот правильно, можешь на меня обидеться, я не против. Наверное, он ждал, что я извинюсь, но я не собирался этого делать.

Надо быть осторожнее. В конце концов, у многих здесь есть если не талант, то хотя бы задатки мага. Я аккуратно вырвал лист с незаконченным кругом, скомкал и положил в карман. Надо будет сжечь его.

Лекция тянулась бесконечно долго, я почти задремал под монотонную речь профессора.

– Слушай, ты извини, что я так полез к тебе, – парень, кажется, решил нарваться на грубость. Я сделал вид, что не слышу его. – Меня зовут Грегор, а тебя?

Надо же, как скромно! Я же прекрасно вижу, что он – аристократ. Зачем тогда это притворство? Почему сразу не назвать фамилию и весь титул? Из вежливости? Думает, я дружить с ним не буду, если узнаю? Я и так не хочу.

– Люк де Тенебре Энфер-Эсприт, – я противно растягивал гласные, от чего моя фамилия показалась еще более длинной и сложной.

Грегор точно не мог ее знать, да и никто из живущих, наверное. Зато звучит внушительно.

– Никогда не слышал, – парень снова растерянно заморгал.

Должно быть, он думал, что знает все дворянские фамилии герцогства и прилегающих областей, и самые важные – остальной Европы.

– Последние несколько поколений моих предков жили затворниками. Они ни с кем не общались, никого не принимали у себя и не покидали поместья, – я пожал плечами, изобразив на лице полное равнодушие. – Кажется, они считали, что в обществе не осталось никого, равного им по благородству и древности рода. Разумеется, все прочие были недостойны их внимания.

Я многозначительно посмотрел на Грегора, намекая, что он тоже относится к этим прочим. Хотя я собирался не только отвадить этого парня: уверен, с таким характером у него много друзей, скорее всего, аристократов. Мне было на руку, что от него они могли узнать обо мне. Все-таки пока что именно богатые и праздные отпрыски влиятельных семейств были у меня на первом месте в списке подозреваемых. Им не надо было думать о будущем, о заработке, а значит, и об учебе. Они верят, что могут получить все в этой жизни, стоит только захотеть. И еще они вполне могут счесть чужую жизнь подходящим инструментом для собственного развлечения.

– И твои родители не были против того, чтобы ты тут учился? – кажется, он действительно увлекся и не понимал намеков.

– Они умерли. Меня воспитывал дядя, но он тоже недавно умер. Я старший и последний в роду, – я посмотрел на него снисходительно, надменно задрвав подбородок.

Это было почти правдой. О матери я ничего не знаю, если честно, никогда не задумывался о том, кто она и жива ли. Отец же просто исчез. Скорее всего, его убили духи, но наверняка я не знаю.

– Ой, прости, я не знал! Не хотел тебя расстраивать, – Грегор действительно смутился, как будто ему было какое-то дело до моей семьи и до меня лично.

Я никогда не понимал этой глупой людской привычки – сожалеть о смерти людей, которых никогда не видел и не знал. Мне оставалось только пожалть плечами: если ему так хочется проявить сочувствие – пускай, так даже проще. Он слишком наивен и невинен, чтобы причинить мне вред или беспокойство. С другой стороны, достаточно болтлив, чтобы посвятить пол-академии в трагедии моего детства. То, что нужно. Я собирался ловить преступников на живца, по-другому все равно не умею.

Грегор долго молчал, видимо, не зная, о чем еще спросить, чтобы не обидеть. Я не обижался, но молчащим он раздражал не так сильно. От скуки я даже начал записывать лекцию, что-то перерисовывать с доски. Заметил, как он сначала заинтересованно вытянул шею, явно надеясь, что я опять начерчу круг призыва, а потом скривился и перевел взгляд на профессора. Разговор умер, так толком и не начавшись.

Я шел на обед с лекции по экономике. Немолодой, бородастый и энергичный профессор задержал студентов почти на двадцать минут, все никак не мог закончить мысль. Он читал лекцию с таким энтузиазмом, словно сообщал нам великую истину, и искренне не понимал, почему мы хотим уйти всего лишь через десять минут после окончания занятия. Хотя, надо признать, рассказывал он интересно, всегда приводил убедительные доказательства, яркие примеры. Но мне хотелось есть, да и, судя по всему, не мне одному, если вспомнить, с какой скоростью студенты покинули аудиторию. Один из этих голодных и толкнул меня сзади с такой силой, что я упал, рассыпав учебники по полу. Не столько больно, сколько обидно. Я едва сдержал рвущийся с губ приказ. Духи внутри меня взвились, оскалились, готовые атаковать. Осталось только выбрать – огонь или физическая сила. Ударить или сжечь. Но я сдержался и только ругался себе под нос, собирая с пола книги, тетради, листы бумаги, перьевые ручки и прочее содержимое сумки. Хоть и я вспыльчивый, но контролировать себя умею. Без этого заклинателю не выжить. Спокойствие и уверенность – этому приходится учиться с самого начала. Так что да, я зол, но убивать пока не буду.

На полу оставалась всего пара учебников и стопка листов, когда рядом кто-то присел, поднял книгу и протянул мне.

– Вот, вы уронили.

Я поднял глаза. Ну надо же, какие люди! Этого человека я видел уже дважды, но только издали. Член клуба дисциплины, нервный парень, которому лучше не резать себе пальцы бумагой. По крайней мере, если верить той пышечке-валькирии. Он протянул мне учебник по экономике и замер, заморожено глядя мне в глаза. Обычно люди стараются отвернуться, не могут выдержать мой взгляд, но он сидел на корточках с нелепо протянутой мне книгой и смотрел не шевелясь. Не знаю уж, о чем он думал и что видел, но внезапно он отшатнулся и упал, выронив учебник. Я же не могу пахнуть кровью, да? Парень кое-как, не глядя, по стеночке встал на ноги, сделал несколько шагов назад, только потом развернулся и рванул к лестнице, расталкивая всех, кто попадался ему на пути. Его лицо было искаже-

но от ужаса – дикого, почти животного. Не знаю, что он понял или увидел, глядя на меня... не знаю. Я ведь уже привык, что меня боятся. Крестьяне из соседней деревни всегда смотрели на меня со смесью страха, отвращения и ненависти. Тогда почему мне так обидно? Я что, и правда поверил, что здесь ко мне будут относиться иначе? Что во мне будут видеть человека? Неужели я настолько глуп? Давно пора было привыкнуть к тому, что заклинатели – изгои. А люди – лицемерные ничтожества. Прав был дядя, я – настоящий позор семьи и продукт ее вырождения.

Внутри разочарованно шевельнулись духи. И правда, чего это я разнылся? Подумаешь, какой-то чудак от меня шархнет! Где там была моя семейная гордость? Я ведь сильный, я и сам все могу. Помощь мне не нужна.

Я кое-как запихнул учебники в сумку и встал. Люди огибали меня, спеша на обед, больше никто не попытался помочь, никто не спросил, что случилось. Я застегнул ремешок на клапане сумки и влился в общий поток. Сколько бы ни прошло лет, люди никогда не изменятся, они всегда будут искать более комфортные условия бытия и отворачиваться при виде чего-то неприятного. Например, от другого человека, попавшего в беду. Они просто пройдут мимо, найдя для себя в мыслях с полсотни оправданий, они закроют глаза, видя, что на них несется лошадь или что в них целятся из ружья. Ведь смерть – это всегда неприятно, особенно своя собственная, а от всего неприятного и неуместного они отворачиваются. В такие моменты мне кажется, что семейных хроник вполне достаточно для того, чтобы понять людей и научиться их избегать.

Я ел без особого аппетита. Картофельное пюре, и без того подозрительно-серое, успело остыть, оно было чуть сладковатым и каким-то клейким. У них повар на француза сменился? Я прожевал и проглотил безвкусный кусок рыбы и запил глотком бледного чая. Впрочем, после буйства духов у меня разболелся живот, и вся еда казалась в лучшем случае безвкусной. Надо успокоиться, а то я и так уже нарушил целую кучу неписаных семейных правил.

Так, почему этот чудак так меня испугался? Кровью от меня не пахнет, духи внутри меня точно заметили бы это, да и кровь наоборот приводит его в ярость. И больно долго он в меня вглядывался, чтобы это было простой интуитивной реакцией. Это что-то увидел или почувствовал только он один. Чем он отличается? Этим своим раздвоением личности? По крайней мере, больше мне ничего не известно. Все-таки одержимость? Тогда кем, и почему я ничего не почувствовал? Будь это демон – точно определил бы сразу. Я изо всех

сил постарался не думать об этом. Упрямство во мне боролось с долгом. Не до него сейчас, совсем не до него.

– И чем же ты так напугал моего друга, что он до сих пор в себя прийти не может? – Я поднял голову и посмотрел на подошедшего ко мне человека.

Надо же, еще один старый знакомый! Сегодня просто день незапланированных встреч с членами клуба дисциплины. Я уже видел его на лекции по нумерологии. Теперь появился шанс рассмотреть поближе. Высокий, темноволосый парень с короткой стрижкой и в очках, одет всегда строго и опрятно, но небогато. В клубе, как я слышал, отвечает за финансы. Его побаивались и уважали, он способен был сделать деньги даже из воздуха, по крайней мере, так говорили. Он выдержал мой взгляд, лишь изогнул тонкие губы в насмешливой улыбке, а мне его глаза показались холодными и жестокими.

Что ж, значит, надо уходить в глухую оборону. Я постепенно начал если и не разбираться в людях, то хотя бы понимать, как себя с ними вести. Забавно и познавательно, но не очень приятно. С такими, как этот, надо быть осторожным. Конечно, я мог бы убить его, но не хочу портить свой имидж.

– Понятия не имею, что так испугало твоего робкого друга.

На этот раз получилось особенно раздражающе. Я вовсе не собирался извиняться за непонятную реакцию его товарища, самому было интересно, что его так напугало.

– Не смей называть его трусом! И моли Бога, чтобы я ничего не рассказал командиру, – он схватил меня за ворот и потянул на себя через весь стол.

Я чуть не спихнул на пол тарелку с остатками еды, но вовремя успел оттолкнуть ее в сторону и вцепиться руками в край стола. Поза получилась ужасно неудобной, столешница упиралась мне в бедра, а позвоночник ныл от напряжения.

– Моли его сам, если желаешь, меня он не услышит, – мне удалось прохрипеть это достаточно внятно, чтобы он понял.

Когда дядя, раскаленные прутья ему в уши, злился на меня, то хватал за горло и поднимал меня над полом, и тогда я ничего внятно го выдать не мог. Пару раз это едва не стоило мне жизни.

– Тебя никто не услышит, если я так захочу, ты понял? – он гневно сверкнул очками и отпустил меня потому, что на нас уже начали оглядываться. И почему людей всегда заботит то, что о них думают другие? Хотя вообще-то меня тоже заботит. – Я не слышу ни согласия, ни объяснений.

– Понятия не имею, что так напугало твоего друга, – повторил я, нагло посмотрев ему в глаза. Ударить меня здесь ты не сможешь, а там, где не будет свидетелей, я найду, что тебе противопоставить. – Я могу кричать громко, если понадобится.

– Смотри у меня. Я все равно все узнаю, мелкий. Если ты хоть что-то ему сделал, тебя даже не найдут. – Он резко развернулся и ушел, игнорируя удивленные взгляды студентов.

Этот человек слыл невозмутимым и холодным, как кусок январского льда. Я выдохнул и на секунду закрыл глаза. Меня всего трясло, в голове было светло и пусто. Ненавижу, когда на меня орут и хватают. Я с трудом сглотнул и повернул голову к тарелке. При мысли о еде меня замутило. Да уж, этот ревнитель порядка и равенства выбирает компанию себе под стать. Хорошо, конечно, что они так готовы защищать друг друга, но мне от этого никакой пользы. Они считают, что это я был причиной такого странного поведения их товарища. Возможно, так оно и есть, но я совершенно не понимаю, что именно во мне его напугало. Он может видеть духов? Нет, быть не может. Дух-шпион, которого я отправил к заместителю их желтоголазого короля, был при нем неотлучно. Его этот одержимый точно заметил бы за полтора дня. Не могли же они за все это время ни разу не встретиться? Хотя, могли, конечно. Этот истерик все свободное время проводит в библиотеке.

С другой стороны, заметить духа, когда он прячется и не желает быть замеченным, весьма непросто. Да и способен на это только кто-нибудь из моего рода. А этот никак не может быть заклинателем. Чтобы знать наверняка, мне нужна хоть одна капля его крови, но это как раз совершенно невозможно. Что ж, еще раз: этот парень и его проблемы меня совершенно не касаются. И почему я родился таким любопытным?

Все-таки, надо будет выяснить, кто этот парень и откуда. Когда-нибудь потом.

Вечером я снова принял в себя информацию духа, едва удержал в себе ужин и без сил рухнул в жесткое старое кресло.

– *Останься, мне надо обдумать.* – Я поднял руку, подзывая духа к себе. С закрытыми глазами пролистывать принесенные воспоминания было проще, под ладонью я чувствовал пульсацию его тела, и это странным образом успокаивало. Встречи, разговоры, тренировки с мечом, лекции. А с тем одержимым он встречался? Да, встречался пару раз в комнате их клуба. Значит, вряд ли он способен видеть духов. Я, кажется, совершенно запутался. Может, это вообще

со мной не связано? – *Я больше не нуждаюсь в твоих услугах. Прими завершающую плату.*

Я закатал рукав и провел острым посеребренным ножиком по предплечью. Тонкая струйка крови стекла по молочно-белой коже в оскаленную пасть духа. Сделав несколько глотков, он осмелел и прижался металлическими челюстями к руке. Я чувствовал его неуловимое дыхание, лед лица-маски, ощущал, как он дрожит, едва сдерживаясь, чтобы не разорвать мои вены и не выпить всю кровь до дна – знает, что не успеет, я уничтожу его раньше. Я оттолкнул его, когда понял, что отдал достаточно. Дух исчез, оставив после себя только тупую боль в висках, расплывающийся перед глазами мир и дергающийся порез на руке. Я поднялся и подошел к шкафу, в котором хранился мой чемодан. Два раза по дороге едва не упал, задел бедром стол. Бинтов у меня с собой было много, их всегда приходится держать под рукой. Перевязывать себе раны и останавливать кровь я научился даже раньше, чем призывать духов и демонов.

Не то чтобы я любил все эти кровавые платы и прочие ритуалы, но за пятнадцать лет привык. Боль – это все-таки неприятно, слабость – тоже. Но, надо признаться, вначале я даже не задумывался, что можно как-то иначе. Потом догадался, когда увлекся хрониками. В первое время было обидно. Потом пришлось утешиться семейной гордостью и тем, что я такой один. Могущественнее и умнее прочих. Кстати, это даже верно. Многие века магические линии мира были истощены и совсем недавно начали наполняться вновь. Но я со своими древними знаниями все равно остаюсь очень и очень могучим магом. Утешение не из малых, надо сказать.

Через три часа я уже мог нормально думать и видеть все в привычном цветовом спектре: вторая порция информации, полученной от духа, почти полностью улеглась в моей голове. Теперь надо было кое-что проверить, в первую очередь – местное кладбище. Есть у меня некоторые подозрения, что местные недоделанные колдуны могли отправиться туда за нужными в ритуале вещицами.

Уровень у них или низкий, или никакой, так что в любом случае надо будет его как-то наращивать. А использование частей тел мертвецов – не самый редкий и плохой вариант. Особенно если мертвец не простой, а с даром. Что на местном кладбище весьма вероятно. Некоторые совсем уж недалекие создания считают, что всякие кости и черепа – удел некромантов и черных магов. Увы, если бы так. Использовать все это можно в ритуалах практически любой школы магии. Что и говорить, до недавнего времени, пока линии силы вновь не наполнились, энергию для чего-то сколько-нибудь серьез-

ного брали из человеческих жертвоприношений. Изредка удавалось еще достать записи воспоминаний, покидающих человека в момент смерти. Но прирезать кого-нибудь на алтаре все-таки проще. Когда магия так слаба, приходится выкручиваться. А человек, особенно, если он страдает – лучший источник недостающей силы. Да, мы, маги, ну очень мерзкие ребята. И не брезгливые.

Если в академии действительно проводится ритуал, а все указывает именно на это, то его источником выбрали человеческие жертвы. Временной промежуток между жертвоприношениями достаточно велик, значит, им нужен некий накопитель, который будет собирать избыток энергии в момент выброса и постепенно отдавать ее в течение всего лунного месяца. Лучшими накопителями являются драгоценные и полудрагоценные камни, но с ними надо уметь работать. А вот разные кости и прочие кладбищенские сувениры охотно и легко принимают в себя энергию жертвоприношения. Когда я разглядывал карту академии и окрестностей, то заметил подходящее старое кладбище. Как раз тогда и подумал сходить туда. Уверен, там можно найти и кости деревенского колдуна, и даже – если не повезет – пару неупокоенных. Или призрака. Или гуля. Или еще какую-нибудь подобную дрянь. На старых кладбищах они часто заводятся. Не люблю всю эту загробную нечисть, если честно. Жуткие они.

Кладбище располагалось совсем рядом с академией, его даже было видно из окон, а потому идти надо было ночью – я ведь не хотел привлекать лишнее внимание. Да и ночь – лучшее время для такой вылазки. Чего мне бояться, такому сильному магу? Конечно, я немного беспокоился. А потому перед тем, как отправиться на занимательную экскурсию по местам старых захоронений, решил заглянуть на кухню. Конечно, лучше всего было просто пойти поспать, благо мне очень этого хотелось, но времени до следующего лунного цикла осталось мало, а я должен был знать наверняка. От того, был ли накопитель и какого рода, много зависело и в самом ритуале. Дорогу до кухни я уже знал и в этот раз даже не заблудился. Мне повезло: никаких любителей ночных пиршеств не было. Только тишина, темнота и вкусных запахи остатков ужина. Я остановился посреди комнаты и огляделся. Мне нужно было молоко, но откуда мне знать, где его хранят? Благодаря одному из моих духов, я прекрасно видел в полутьме кухни. Луна ярко светила в окно, предметы были хорошо различимы. Шкафы, банки, бутылки, полки. Да где же оно? Пришлось усиливать еще и нюх. Чуть с ума не сошел от обилия запахов, пока дух не помог мне выделить нужный. А вот и молоко! Я наполнил фла-